

Мир приключений

Эмilio Салгари

Священный меч Будды

КУЛЬТ
СЕМЕННОГО
ДОСУГА

Мир приключений (Клуб семейного досуга)

Эмилио Сальгари

**Священный меч
Будды (сборник)**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1892

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

Сальгари Э.

Священный меч Будды (сборник) / Э. Сальгари —
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1892 — (Мир
приключений (Клуб семейного досуга))

ISBN 978-617-12-4288-3

Закончилась англо-китайская Первая опиумная война 1840–1842 гг. Бесстрашный капитан Джорджио Лигуза отправляется в Поднебесную империю, чтобы отыскать легендарный меч Будды, который называют священным. Но Китай – страна закрытая и враждебная к иноземцам. Капитану предстоит пройти череду опасных испытаний, повстречать и врагов, и друзей. А также рискнуть собственной жизнью ради добычи древней реликвии... («Священный меч Будды») Испанская шхуна «Кабилия» попадает в сильнейший шторм и терпит кораблекрушение. Гибнет старый капитан-контрабандист, но двум молодым студентам, Педро и его другу Карминильо удается спастись... («Талисман»)

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)

ISBN 978-617-12-4288-3

© Сальгари Э., 1892
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1892

Содержание

Священный меч Будды	7
Часть первая	8
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	22
Глава VI	25
Глава VII	29
Глава VIII	32
Глава IX	36
Глава X	39
Глава XI	41
Глава XII	44
Глава XIII	47
Глава XIV	50
Глава XV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Эмилио Сальгари Священный меч Будды (Сборник)

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2016

Тексты печатаются по изданиям:

Сальгари Э. На Дальнем Западе; Охотница за скальпами; Смертельные враги; Талисман: романы / Эмилио Сальгари; пер. с ит. – М.: Терра, 1992. – 544 с.

Сальгари Э. Сокровище Голубых гор; Священный меч Будды; Город прокаженного царя: романы; Жизнь – копейка; Маяк: рассказы / Эмилио Сальгари; пер. с ит. – М.: Терра, 1993. – 496 с.

В оформлении обложки использована иллюстрация *Thomas Allon* «Gardens of the Imperial Palace, Peking»

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

* * *

Священный меч Будды

Часть первая Палладион буддистов

1

Глава I Праздник в фактории

Сицзян, или Жемчужная река, прорезывает южные провинции Китая на протяжении двухсот лье, при впадении в море разветвляется на бесчисленное множество каналов и канальчиков и образует обширную дельту с массой островов. Они то покрыты богатой тропической растительностью и изобилуют городками и многолюдными селениями, то заболочены, занесены илом и вследствие этого почти пустынные.

После англо-китайской войны 1840–1842 годов, более известной как Первая опиумная война, целью Англии было расширение торговли, в том числе опиумом, в Китае: небольшое число европейцев и американцев, пользуясь насильно вытребованным у правительства Небесной империи разрешением на право торговли в известных местах, заняли некоторые из островов и устроили на них фактории. Дела пошли хорошо, но в 1857 году вновь разгорелась война, и белые вынуждены были бежать, бросив имущество на произвол китайцев, которые, ненавидя все иноземное, уничтожили многие дома и товары. К счастью, война длилась недолго, и вслед за заключением мира, даровавшего немалые привилегии европейцам, беглецы вернулись обратно, отстроили фактории и возобновили коммерческую деятельность. Дела пошли столь успешно, что уже в 1858 году колонии опять процветали и, владея громадными капиталами, вели оживленную торговлю с Кантоном², Хуанпу, Фошанем, Саньшумем, Шицзяо, Цзянмынем и другими городами и поселениями.

Вечером 17 мая 1858 года – время, с которого начинается наш рассказ, – датская колония по случаю прибытия военного корабля устроила в обширных садах фактории шумное празднество в европейско-китайском стиле, на которое был приглашен весь beau monde³ колонии. Веселая пестрая оживленная толпа растеклась по садам, повсюду иллюминированным тысячами разноцветных фонарей и фонариков. Народу собралось очень много: богатые китайцы в национальных костюмах с капюшонами из красного и голубого шелка, вышитыми золотом; величаво-торжественные мандарины⁴ со знаками отличия на косичках и шапочках, в одеждах из шикарного шелка, затканного драконами, аистами, лунами, змеями; ученые различных степеней – серьезные, сосредоточенные, молчаливые, в неизбежных очках в роговой оправе; элегантные молодые аристократы в шляпах модного фасона, в высоких сандалиях на войлочных подошвах, в костюмах с поясами, наполненными золотыми монетами, расточаемыми на игорных столах. Среди этого моря голов, бритых и желтых, как айва, мелькали европейские лица: здесь были темноволосые испанцы, белокурые датчане, чопорные англичане и элегантные французы, одетые по последней моде, но с такими ее излишествами, которые только и можно встретить в среде давно покинувших родной Париж представителей этой нации. На празднике присутствовали щеголеватые, в парадных мундирах,

¹ Палладион – у древних греков и римлян название статуй богини Паллады, считавшихся святынями. Позднее это слово стало обозначать всякий предмет, который почитают как приносящий могущество и счастье. – *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

² Так прежде называли в Европе китайский город Гуанчжоу.

³ Beau monde (*фр.*) – бомонд, высший свет.

⁴ Мандарин – название, данное португальцами чиновникам феодального Китая.

капитаны стоявших в гавани кораблей, плантаторы, торговцы, судовладельцы и банкиры – разодетые и в бриллиантах.

Одни приглашенные танцевали под звуки португальской музыки, специально выпитанной из Макао⁵, другие толпились вокруг длинных столов, угощаясь цветочным чаем из фарфоровых чашечек цвета неба после дождя, а небольшая группа – человек двенадцать – играла в вист в отдаленном углу сада под кустом магнолии, освещенным гигантским фонарем. Там сидела интересная многонациональная компания: португалец Ольваэс, американец Крекнер, англичанин Перкинс, испанец Баррадо, четыре датчанина из колонии, двое голландцев и два немца – все богачи, абсолютно хладнокровно выигрывавшие и проигрывавшие солидные куши.

– God damn it!⁶ – проговорил один из игроков, американец Крекнер, подвигая вперед порядочную кучку проигранных долларов. – Однако не везет сегодня мне и Перкинсу! Ольваэс и Баррадо вчистую нас обыграли – мы потеряли тысячу долларов меньше чем за два часа! Должно быть, вы порядком напрактиковались или, может, нашли себе учителя в Макао?

– Конечно! – прищурился португалец Ольваэс, придвигая к себе доллары. – А вы думали, что я сяду играть с вами, предварительно не взяв хоть несколько уроков у такого же искусника, как вы? Я встретил в Макао известного игрока в вист, способного обыграть кого угодно, и он показал мне мастер-класс.

– Твой хваленый учитель, Ольваэс, – сказал Крекнер, – в любом случае уступает капитану Джорджио Лигузе. Слышал про такого? Вот это ас!

– Ха-ха! Да ведь наставник, про которого я говорю, и есть знаменитый капитан Лигуза, мой искренний друг!

– А! Он и мой друг тоже. Так это он давал тебе уроки? Он в Макао?

– Да, он охотился там за какой-то птицей для своей коллекции.

– Понятно, ездит в Макао и не приглашает с собой друзей! – делая вид, что обиделся, произнес Крекнер. – Корсан, как всегда, с ним?

– Конечно. После приключения в Плавучем городе они, кажется, никогда не расстаются: где капитан Джорджио, там и Корсан, и наоборот.

– Про какое приключение вы рассказываете? – поинтересовался англичанин Перкинс. – Ольваэс, давай-ка поподробнее!

– Охотно, – кивнул португалец. – Вы, конечно, знаете, что капитан Джорджио владеет роскошной коллекцией китайских птиц, которой очень дорожит и при каждом удобном случае пополняет ее редкими экземплярами. И вот он узнал, что у одного из китайцев в Плавучем городе имеется какая-то невиданная птица. Капитан переоделся лодочником и отправился на поиски. Американец Корсан, у которого якобы тоже есть некая коллекция, а на самом деле три-четыре жалких набальзамированных чучела, втемаяшил себе в голову, что он должен опередить капитана и приобрести знаменитую птицу. Этот Корсан устремился в Плавучий город, но по обыкновению полез в драку и получил такой сильный удар по голове, что свалился в реку и наверняка захлебнулся бы. Но судьбе было угодно, чтобы в эту самую минуту появился Джорджио, растолкав бритоголовых китайцев, бросился в воду и спас Корсана. С тех пор Джеймс Корсан стал тенью капитана Джорджио – они неразлучны.

– Вот плут, этот Корсан! – улыбнулся Крекнер. – Ловко он умеет обдирать свои делишки!

– О! Корсан ненавидит китайцев, – сказал Ольваэс, – и всякий раз, как только представится случай, таскает их за косы.

⁵ Макао (Аомынь) – территория в Юго-Восточной Азии на побережье Южно-Китайского моря, португальская колония.

⁶ Черт возьми! (англ.)

– Капитан придет сюда? – спросил испанец Баррадо.

– Наверное, нет, потому что, раз явится капитан, за ним увяжется и Корсан и начнет тут выплясывать, а потом, разгорячась, дергать китайцев за косы! – Ольваэс рассмеялся, а за ним все остальные.

– Капитан все-таки будет здесь непременно, – заметил один из датчан, – он сам мне признался. Ладно, давайте завершать партию.

Игроки взялись за карты, и снова доллары, таэли⁷, фунты стерлингов, рейхсталеры и пиастры пошли гулять по столу, переходя из рук в руки. Так прошло около часа, за который Крекнер и Перкинс проиграли еще тысячу долларов, перешедших в карман счастливых Ольваэса и Баррадо. Этим закончилась вторая партия, и компания уже собиралась начать третью, как вдруг с берега послышался шум.

– Новые гости, что ли, пожаловали? – спросил американец, опуская карты. – Ага! Вон смотрите, двое каких-то людей идут к нам. Ба, да это капитан в сопровождении моего грозного соотечественника!

– Точно! – воскликнул Баррадо. – Легки на помине!

К игрокам быстро приближался капитан Лигуза, король виста, или, как в шутку именovali его друзья, *Человек, отбрасывающий живую тень*, – тень эта и сейчас следовала за ним в образе преданного друга и извечного спутника Джеймса Корсана, внимательно рассматривавшего в лорнет море бамбуковых шляп и развевавшихся длинных косичек танцующих китайцев.

Генуэзец Джорджио Лигуза, капитан торгового флота, был человек лет тридцати, высокого роста, стройный, с энергичным грубоватым, сильно загоревшим под тропическим солнцем лицом, живыми черными глазами, густыми длинными усами и пышной шевелюрой цвета воронова крыла. Он уже раз двадцать обошел вокруг света, но во время двадцать первой экспедиции потерпел крушение у южных берегов Кореи. Корабль и весь экипаж погибли. Спасся только капитан с одним молодым поляком, но они попали в плен к пиратам, где, ужасно страдая, пробыли почти два года, пока в одну бурную ночь им не удалось бежать от своих мучителей и высадиться на китайском берегу. Здесь беглецов ждали новые испытания: китайское правительство всячески препятствовало тому, чтобы европейцы поселялись на территории Китая, и местное население преследовало смельчаков, рискнувших проникнуть вглубь китайской территории дальше разрешенных пределов. Но никакие трудности не остановили капитана. Переодеваясь то лодочником, то купцом, то прорицателем, он пробирался от города к городу и наконец достиг Кантона, где, скопив немного денег, занялся торговлей. Удачные сделки с чаем и бумагой скоро стали приносить ему доходы. Кутила, охотник, король игроков, при этом довольно образованный, прекрасно знавший географию, капитан сделался популярным человеком в *гонгах*, или факториях, и колонисты чуть ли не враждовали, оспаривая друг у друга его внимание.

Джеймс Корсан, уроженец Нью-Йорка, был одного возраста с Лигузой – лет тридцати, с широченными плечами, массивными ногами, похожими на колонны, с руками, напоминавшими два кузнечных молота, огромной головой, заросшей целым лесом ярко-рыжих волос, и большим носом, красным, как пион, настоящим носом пьяницы – любителя виски. Людей вроде Корсана, грубых, как бегемоты, наделенных геркулесовой силой, в Америке называют полулошадьми-полукрокодилами. Человек очень богатый, Корсан даже не утруждал себя торговлей и все свое время тратил на перебранки с лодочниками и рабочими факторий, что нередко заканчивалось драками, во время которых сильно страдали косы бедных кули⁸ – не дай бог, если в них вцеплялась могучая рука рыжего колосса. В короткий срок Корсан стал

⁷ Таэль равняется семидесяти франкам. – *Примеч. автора.*

⁸ Кули – низкооплачиваемые неквалифицированные рабочие в колониальных странах.

грозой китайцев, которые боялись его, как дикого зверя. В факториях его звали Гаргантюа или попросту обжорой за его привычку поглощать огромное количество пищи и за необузданную страсть к бифштексу и виски. Приятели называли его *Живая тень капитана*, так как Корсан и Лигуза повсюду ходили вместе. Вот и сейчас друзья, по-видимому, куда-то спешившие, не замедлили вдвоем появиться под кустом магнолии. Двенадцать рук протянулись им навстречу.

– Я уж думал, что не увижу вас, – сказал Крекнер. – Что-то стряслось? Куда вы так торопитесь?

– У нас есть новости, господа! – оживился капитан, осушив стакан портера.

– О! – воскликнули игроки все разом. – Какие?

– Через десять минут придут наши путешественники. Как какие? Вы что, ничего не знаете?

– Нет, – растерянно произнес Ольваэс.

– Когда я направлялся с моей Живой тенью, как вы его называете, к этому острову, то встретил Бурденэ, который плыл на своей *кхуай-тхинг*⁹ к французской фактории. Он-то и сообщил мне о возвращении Кордонасо и Родни.

– Кордонасо! – снова хором повторили игроки.

– Вот именно, Бурденэ ездил за ним на торговое судно, шедшее из Сайгона.

Друзья вскочили из-за стола, бросив карты. Они знали, что Кордонасо и Родни – боливиец и англичанин – год тому назад отплыли в Индокитай с целью разыскать священную реликвию. Весть об их прибытии всполошила все общество.

– Вы уверены, что они вернулись? – спросил Крекнер.

– Да. Через десять минут вы тоже убедитесь.

– Как вы думаете, капитан, они отыскиали то, за чем ездили? – поинтересовался один из датчан.

– По-моему, нет. Последнее письмо от них ко мне было отправлено из Сайгона, и в этом послании ни словом не упоминалось о находке.

– Что они искали? – спросил кто-то из игроков.

– Священный меч Будды.

– Священный меч Будды? А что это такое?

– Разве вы о нем не слышали?

– Никогда! – крикнули игроки.

– Странно, китайцы постоянно о нем твердят.

– Этот меч драгоценный? – тихонько уточнил Ольваэс у Корсана.

– Пусть мой друг Джорджио расскажет, – ответил Корсан, почти не принимавший участия в разговоре и занятый разглядыванием голов китайцев с длинными косичками, как будто намечая себе подходящую жертву.

– Мы вас слушаем, капитан! – сказал Крекнер.

– Говорите, говорите! – раздалось со всех сторон.

Капитан уже приготовился удовлетворить общее любопытство, как вдруг заметил двоих джентльменов, направлявшихся к игорным столам. Он тотчас узнал боливийца Кордонасо и англичанина Родни.

– Господа! – воскликнул он. – Вот и наши путешественники!

Двенадцать игроков вскочили как один и бросились навстречу новоприбывшим, обступая их:

– Ура, Кордонасо! Браво, Родни!

⁹ Род барки или лодки наподобие венецианской гондолы. – *Примеч. автора.*

Путешественники обменялись рукопожатиями со всей компанией, после чего Крекнер с Ольваэсом потащили их к своему столу. Хлопнули пробки, и душистый херес до краев наполнил бокалы.

– За ваше здоровье!

– Спасибо, друзья!

Множество вопросов посыпалось вслед за тостами. Все наперебой хотели узнать, где были и что видели путешественники, что с ними случилось, нашли ли они священный меч, и герои дня, оглушенные криками, даже не знали, кому отвечать.

– У меня сейчас голова разорвется от шума, – признался боливиец. – Нельзя ли потише?

– Эй, успокойтесь! – призвал к порядку Крекнер. – Если будете галдеть все разом, то наши друзья не смогут рассказать о священном мече, и мы ровным счетом ничего не узнаем об экспедиции.

– Тише, тише! – подхватили игроки. – Давайте слушать про священный меч!

– Вам ничего не известно об этой реликвии? – уточнил Кордонасо, и на его лицо легла мрачная тень.

– Ничего! – кивнули все.

– Мы даже не знаем, куда вы ездили, – прибавил Ольваэс.

– Ладно, слушайте! Только сперва я, с вашего позволения, выпью хереса – что-то в горле пересохло.

Глава II Пари

– Эта история, – начал Кордонасо, когда присутствующие уселись вокруг стола и воцарилась тишина, – относится к прошлому столетию, а именно к 1786 году. В тот памятный год многие китайцы отправились к озеру Манасаровар – месту, священному для буддистов, в особенности для жителей Тибета, которые бросают в воды Манасаровара пепел своих покойников, твердо веруя, что этим путем дорогие им умершие придут прямо в обиталище Будды. В числе паломников был и Куби Лай-шиу, влиятельный князь провинции Гуанси, один из самых ревностных почитателей божества. Однажды ночью, когда князь плыл по священному озеру, поднялась страшная буря, опрокинула лодку и потопила всех его спутников. Видя, что и ему грозит смертельная опасность, князь воззвал к Будде и в результате целым и невредимым добрался до берега, где укрылся в пещере. Спустя несколько минут он услышал в глубине своего убежища страшный треск и увидел огонек, перелетавший с места на место и как бы приглашавший следовать за собой. Князь пошел за огоньком и, поплутав по извилистым галереям, достиг обширной пещеры, наполненной костями и скелетами. Над ними среди колонн, словно висая в воздухе, блеснул меч подобный тем, какие и теперь используют татары: с клинком из превосходной стали и золотой рукояткой, украшенной громадным бриллиантом почти с орех величиной. На одной из сторон клинка было выгравировано по-санскритски имя Будды, а на другой – какие-то непонятные знаки. Куби Лай-шиу завладел мечом и, считая его оружием самого Будды, по возвращении преподнес святыню в дар Кин-Лонгу, императору Китая и своему владыке. По приказанию последнего меч поместили в одном из дворцов городка императоров¹⁰.

¹⁰ В 1860 году Англия и Франция вели войну в Китае. В октябре их войска заняли находившийся близ Пекина летний городок китайских императоров Юань-мин-юань. В городке, окруженном гигантской стеной, находились тридцать шесть дворцов, созданных на протяжении нескольких веков. Каждый богдыхан строил для себя новый дворец, и Юань-мин-юань превратился в редчайшее собрание сокровищ искусства и архитектуры – жемчужину Китая. Захватив дворцы, колонизаторы учинили грабеж, а чтобы замести следы преступления, лорд Эльгин (Эльджин), главнокомандующий англо-французских войск, 6 октября 1860 года приказал сжечь Юань-мин-юань.

– Как интересно! – воскликнул Крекнер и, отбросив сигару, уставился на путешественника, ловя каждое его слово.

Кордонасо, выпив немного хереса, возобновил рассказ:

– Мечу приписывалась чудодейственная сила, и он являлся предметом вождения всех буддийских народов: Бирма, Тонкин, Сиам¹¹, индийский раджа предлагали Кин-Лонгу баснословные суммы за меч, но китайский император не хотел расставаться со святыней. Тем не менее в 1792 году, пока Кин-Лонг отсутствовал в Пекине, меч украли.

– Кто? – спросили сразу несколько слушателей.

– Точно не известно. Говорили, что орудовала целая шайка искусных воров. Кто-то утверждал, что они – бирманцы, другие – что японцы, подкупленные микадо, третьи – что это дело рук индийцев. Кин-Лонг разослал послов во все государства Азии, но поиски оказались безуспешными: меч как в воду канул. Около 1801 года, уже после смерти Кин-Лонга, разнесся слух, что чудесное оружие похитил и спрятал в одном из городских храмов некий мандарин из Юаньяна, фанатичный последователь Будды. Император Киа-Кинг, унаследовавший престол Кин-Лонга, передал своим доверенным лицам рисунок с изображением священного меча и направил их в Юньнань на розыски, но никто из посланников не достиг цели и многие из них были убиты – вроде бы, самими бонзами, буддийскими священниками. В 1857 году, охотясь близ берегов Ганьцзяна, я случайно встретил сына одного из тех посланников, участвовавших по приказу Киа-Кинга в поисках святыни. У этого человека сохранился рисунок священного меча Будды, я купил его и, вернувшись в Кантон, показал своему другу Родни, который предложил попытаться разыскать пропавшую реликвию.

– Потрясающе! – прошептал Крекнер.

– После долгих раздумий мы решили отправиться в Юньнань, – сказал боливец, не скрывая гордости, – и, согласитесь, мало кто, как мы, отважился бы на столь рискованное предприятие.

– Это точно, – скривил губы в улыбке Корсан.

– Мы знали, что странствие по незнакомым землям, населенным далеко не дружественными племенами, – дело опасное. Только железные люди, храбрые и энергичные, как мы, решились бы на такое.

– Короче говоря, герои! – не без иронии произнес капитан Лигуза, видимо, полагая, что боливец слишком расхвастался.

– Да, господа, именно герои, – подтвердил Кордонасо, ничуть не смущаясь, – и, несмотря на все трудности, мы с Родни отправились в путь.

– Что же дальше? – с нетерпением спросил Джорджио.

– Мы выехали в конце января прошлого года вместе с проводником-китайцем. При нас было несколько лошадей, ружья и достаточный запас пороха и пуль.

– Черт возьми! – удивился Крекнер. – Можно подумать, вы хотели завоевать целиком какую-нибудь область!

– А что тут удивительного? Да, я мечтал видеть знамя Боливии развевающимся в самом сердце Юньнани, рассчитывал завладеть частью этой провинции, – воодушевился Кордонасо.

– Но это вам, кажется, не удалось, – хитро заметил Ольваэс.

– Нет, хотя дело оставалось за малым. Итак, мы двинулись к Хуншуйхэ. Какой поход, друзья мои! Ни один путешественник древних и новых времен не встречал столько препятствий!

– Так ведь до Хуншуйхэ не очень далеко, – перебил рассказчика Крекнер.

¹¹ Современные названия соответственно Мьянма, Вьетнам (северные районы), Таиланд.

– Вы бы видели, какие горы мы преодолевали! Негодяй проводник обманывал нас и вел по непроходимым тропам через леса и болота, по таким местам, где каждую минуту мы могли лишиться жизни, а не то что еще отыскать священный меч.

– Как же вы такое допустили? – нахмурился капитан Джорджио.

– Ни я, ни Родни не знали этой страны.

– Вот так славные путешественники! Отправиться в незнакомую страну и не потрудиться изучить ее хотя бы по картам!

– Вам легко рассуждать! Хотел бы я посмотреть на вас в тех условиях, господин капитан! – рассердился боливец.

– Я добился бы своего и нашел священный меч! – твердо заявил Корсан.

– Что?! Даже не надейтесь. И вас, и вашего капитана китайцы обманули бы точно так же, как нас с Родни.

– Сомневаюсь, сеньор Кордонасо! – усмехнулся Джорджио. – Какой же вы после этого моряк?

– Я попросил бы без оскорблений...

– Господа! – приподнялся с места Ольваэс. – Вы хотите затеять ссору? Пожалуйста, не горячитесь!

– Да, это ни к чему, – сказал Крекнер. – Дайте дослушать рассказ о чудесном путешествии.

– Сеньор Кордонасо! Просим! Опишите ваш путь! – закричали игроки.

– Хорошо, – смягчился боливец, – продолжаю. Мы подошли к Хуншуйхэ, реке, изобилующей водоворотами, а по ширине она равняется десяти Темзам...

– Неправда! – вмешался до сих пор молчавший Родни, в котором, видимо, разыгралась национальная гордость.

Корсан грубовато засмеялся, и многие последовали его примеру.

– Вам не нравится, что я сравнил Хуншуйхэ с десятью Темзами? – спросил боливец, покраснев.

– Царица английских рек гораздо шире китайской Хуншуйхэ.

– Bravo, охотник за бегемотами! – громко захохотал Корсан.

– Зачем вы возбуждаете ненужные страсти и перебиваете меня? – упрекнул Кордонасо англичанина.

– Ну-ну, господа! – одернул их Крекнер. – Хочется уже услышать конец истории!

– Тише, тише! Рассказывайте! – закричали слушатели.

Боливец, недовольный тем, что его все время прерывают, некоторое время угрюмо молчал, потом залпом осушил бокал хереса, чтобы снять раздражение, и заговорил снова:

– Переплыв Хуншуйхэ, мы пустились через громадные равнины Юньнани, вдвоем преодолевая такие препятствия, перед которыми отступили бы двадцать человек, и усыпая путь трупами врагов...

– И золотом, – перебил его Родни.

– Пусть будет так, трупами и золотом. Не стану описывать, как мы шли через леса Юньнани, кишевшие тиграми, слонами и бегемотами, через болота, где нас одолевала ужасная лихорадка...

– Разве железным натурам страшна лихорадка? – не без ехидства спросил Ольваэс, которого начинал раздражать рассказчик-хвастун.

– Такая лихорадка сломила бы и железных людей, – не обращая внимания на насмешку, ответил боливец. – Боже, какая напасть! У нас стучали зубы в шестьдесят градусов жары! На тонкинской границе после страшнейшей битвы мы попали в руки лютого бандита и пробыли в плену шесть месяцев, пока однажды ночью не бежали, перебив всех разбойников.

Англичанин Родни, молча кутивший, поднял голову, с удивлением глядя на своего спутника. Этот взгляд не ускользнул от внимания публики, которая и так не сомневалась, что боливец лжет все больше и цветистее.

– В воротах Юаньяна, – на ходу сочинял Кордонасо, – мы схватились с китайской стражей, которая не желала нас впускать. Но храбрость восторжествовала, мы ворвались в город и принялись разыскивать священный меч. Мы осмотрели все храмы, допросили и подвергли пыткам бонз, но, к невыразимому удивлению, меч не нашлся. Его попросту больше нет на свете!

– Как это?! – воскликнули слушатели. – Священный меч Будды прекратил существование?

– Да! Мы его не нашли, и я твердо уверен в том, что его уничтожили.

– Ну, это сомнительно, – с недоверием покачал головой капитан.

– Почему? – спросил боливец, взглянув на собеседника сверху вниз.

– Потому что меч могли спрятать в каком-нибудь другом городе, где вы не были.

– Проклятье! – завопил Кордонасо и ударил кулаком по столу.

– Не нужно так нервничать, сеньор Кордонасо. Кстати, вы ничего не слышали о Бирме?

– О Бирме?!

– Бирма постоянно вмешивалась в историю священного меча. Если вы не в курсе событий, то скажу вам, что, как подозревают китайцы, это оружие было спрятано в Амарапуре.

– В Амарапуре?! – Кордонасо побагровел и стиснул зубы.

– Как?! – наигранно воскликнул Ольваэс. – От вас ускользнула такая интересная подробность, сеньор?

– Откуда вы вообще взяли, что меч Будды находится в Амарапуре? – крикнул боливец, взглянув на капитана так, словно вызывал его на дуэль.

– А почему вы так уверены, что реликвия в Юаньяне? – хладнокровно парировал Джорджио.

– Я опирался на свидетельства самих китайцев.

– Документы как раз и говорят, что меч, вероятно, в Амарапуре.

– Сеньор Кордонасо, вы не допускаете, что капитан прав? – подал голос Крекнер.

– Нет, такого не может быть!

– Так вы ведь не нашли меч, значит, не там искали, – выразили свое мнение некоторые игроки.

– Вы что, хотите сказать, что я не способен разыскать этот проклятый меч? – вновь повысил голос боливец и сжал кулаки.

– Вот именно! – задиристо вскричал Корсан и стукнул по столу с такой силой, что бокалы и бутылки, задребезжав, едва не слетели на пол.

– Ах, вот как! – заорал Кордонасо. – Дерзайте, попробуйте сами! Я очень хотел бы увидеть вашего друга капитана на моем месте!

– Позвольте, это вы, кажется, обо мне? – спросил Лигуза, вставая со стула.

– Наш капитан наверняка добился бы успеха! – воскликнул Крекнер.

– Тише, господа! – попросил Баррадо.

– Нет, почтенные! Ваш капитан не сделал бы и десятой доли того, что мы с Родни, – горячился боливец.

– Вы уверены, сеньор Кордонасо? – спросил Джорджио, побагровев от гнева.

– Уверен.

– А не желаете ли держать пари?

– Хоть десять!

– Хорошо, бьюсь об заклад на какую угодно сумму, что через год вернусь со священным мечом Будды.

– Как?! – изумились игроки.
– Я, капитан Джорджио Лигуза, заявляю это, отдавая полный отчет в своих словах.
– А я, ваша Тень, буду вас сопровождать! – подхватил Корсан. – Назначьте сумму, сеньор Кордонасо, и завтра же мы начнем предприятие. Согласны?
– Согласен, – кивнул боливиец. – Забавно будет потом посмеяться над вами.
– Решено! – подытожил капитан, не реагируя на издевку. – А вы все, господа, будьте свидетелями, что мы, Джорджио Лигуза и Джеймс Корсан, держим пари. Ваша ставка, сеньор!
– Я назначаю двадцать тысяч долларов.
– Принимаем, – ответили капитан и его Тень.
– По рукам, – хлопнул по столу Кордонасо.
Ольваэс и Крекнер наполнили бокалы.
– За успех новой экспедиции! – произнесли тост игроки.
– Благодарю, – ответил Джорджио. – Приглашаю всех к нам на проводы завтра попозднее!

Друзья протянули ему руки, он пожал их одну за другой и удалился в сопровождении Корсана, не обращая внимания на громкую музыку, пляшущих китайцев, звон бокалов и подвыпивших гостей, кричавших вслед:

– Да здравствует капитан Джорджио! Ура священному мечу Будды!

Глава III

Сборы в дорогу и первая жертва

На другой день около десяти утра Джеймс Корсан в одежде плантатора с длинным карабином под мышкой позвонил в ворота виллы Джорджио, расположенной на северном побережье датской колонии почти напротив небольшого китайского селения Хуанпу. На звонок вышел юноша-морьяк лет двадцати, высокий и, несмотря на свою худобу, очень энергичный. Это был поляк из Варшавы, тот самый, что сопровождал капитана в его долгом, через весь Китай, путешествии, во время которого они потерпели кораблекрушение и бежали из пиратского плена. Джорджио сердечно привязался к этому юноше и обращался с ним, как с младшим братом.

– Доброе утро, сэр Джеймс! – весело крикнул поляк.
– Здорово, Казимир. – Американец с такой силой сжал руку молодого человека, что у того хрустнули кости. – Что подельывает капитан?
– Прокладывает маршрут по картам, ведь решено: мы едем искать священный меч Будды.
– Да-да, славное предстоит дельце!
– Сэр Джеймс, а кто такой Будда? Правда, что он был великим человеком?
– Глупый ты юнец! – строго поджал губы Корсан. – Ты считаешь, азиатского бога можно называть просто великим человеком?
– Так Будда – бог?! А я думал, это знаменитый воин.
– Бог, которому поклоняются все противные желтые китайские рожи.
– Клянусь пушкой, – засмеялся поляк. – Вот не ожидал от вас, сэр Джеймс...
– Чего не ожидал?
– Помилуйте! Это же надо! Вы, непримиримый враг китайцев, едете разыскивать меч китайского бога!
– Насмешничаешь, – вздохнул Корсан. – Да, я поступил по-дурацки...
– Это точно, – продолжал хохотать юноша.
– ...и не могу взять своего слова назад.

– Ладно, сэр Джеймс, все отлично! Мы будем охотиться на слонов и бегемотов, добудем меч, выиграем пари в двадцать тысяч долларов и заткнем за пояс хвастуна боливийца. Разве оно не стоит того? Вы ведь не откажетесь от пари?

– Ни за что. Я созрел для грандиозного путешествия, хочу поохотиться на колоссов, снести с плеч несколько голов, оторвать сотню-другую косичек, покурить опиума, положить в карман солидный куш и разыскать меч, который, может, и не волшебный, зато украшен бриллиантом с орех величиной, что доказано.

Юноша и гость прошли в богато меблированный кабинет, посреди которого за столом, заваленным географическими картами, сидел капитан Джорджио Лигуза.

– А! – воскликнул он, подняв голову. – Это вы, Тень!

– Я самый, а вы чего зарылись в эти бумажки, как библиотечная крыса?

– Исследую предстоящий путь. У вас все готово?

– Все. Джонка Луэ Коа ждет у берега. Палатка, одеяла, провиант и амуниция уже в ней. Я обменял двадцать тысяч долларов на бриллианты, чтобы у нас было поменьше груза.

– Предусмотрительно. Теперь нам надо обсудить маршрут.

Корсан устроился возле капитана и, удивленно разглядывая карту, испещренную запутанными линиями гор и рек, с опаской спросил:

– Неужели вы верите этим каракулям?

– Конечно, Джеймс, и это не каракули, – ответил Лигуза, разворачивая перед собой карту Китая, по которой он уже наметил путь от Кантона до Юаньяна и оттуда до Амарapura.

– Надо иметь поистине монашеское терпение, чтобы разобраться во всех этих черточках и точках, нарисованных как будто специально для того, чтобы сбить с толку людей. У меня в глазах рябит от них.

– Ну ладно, хотя таскать китайцев за косы – занятие полегче, чем изучать карты.

– Что верно, то верно, – простодушно согласился американец.

– Посмотрите сюда и послушайте: вот здесь Юаньян, а тут – Амарapura. – Капитан указал обе точки на карте. – Эти два города оспаривают честь обладать мечом Будды.

– Значит, нам надо отправиться в эти города? – спросил юноша.

– Непременно, Казимир, – важно произнес Корсан и попробовал самостоятельно найти на карте Юаньян.

– Почему вы ищите его в Монголии, Джеймс? – посетовал капитан. – Если не научитесь обращаться с картами, то очутитесь в Сибири.

– Да ведь я не географ! А, вот, я нашел оба города и держу их под пальцами. Хоть пальцы я растопырил лишь слегка, сдается мне, что между этими двумя точками приличное расстояние. Или я ошибаюсь?

– Нисколько. Они очень далеко друг от друга, и нужно решить, в какой из двух городов мы отправимся вначале. Я бы поехал в Юаньян.

– Тогда и решать нечего! – воскликнул американец. – Если вы, ученый человек, считаете, что лучше начать с Юаньяна, наше дело подчиняться.

– Хорошо, вот смотрите весь маршрут.

– Только не так быстро.

– Здесь Сицзян, видите? Мы поднимемся на лодке вверх по его течению.

– Мы отправимся в Юаньян на лодке?

– Нет, что за глупости! Юаньян расположен не на Сицзяне.

– Этих цзянов у китайцев столько, что запутаешься!

– Мы доплывем до Учжоу, потом возьмем лошадей и пересечем провинции Гуанси и Юньнань до самых берегов Юаньцзяна.

– Что такое Юаньцзян?

– Река, омывающая Юаньян.

- То есть, переплыв Юаньцзян, мы без затруднений попадем в Юаньян?
- Именно, Джеймс, если вы не против.
- Я? Что вы, капитан! Умнее не придумаешь. А мы будем убивать там слонов и бегемотов?
- Сэр Джеймс, – удивился Казимир, – вы шутите? Эти чудовища вас уничтожат!
- Вот еще! Китайские звери мне не страшны!
- Да разве в Китае дикие животные не такие же, как в других странах?
- Конечно, нет, Казимир. Водятся там звери, Джорджио?
- Целыми сотнями.
- Вот и отлично. Давайте дальше. Если этот пресловутый меч не обнаружится в Юаньяне, тогда что?
- Тогда наш путь лежит в Амарapura, – ответил Лигуза. – Вас не пугает путешествие через Индокитай?
- Вовсе нет, но тогда оно, как я понимаю, затянется...
- В нашем распоряжении целый год.
- Да, времени достаточно. Итак...
- Итак, если мы не найдем меч в Юаньяне, то переправимся через реку Меконг, потом пройдем Салуин, далее Менам и очутимся на берегах Иравади. Оттуда нам нетрудно будет добраться на лодке до Амарapura, или Города бессмертия, как его называют бирманцы.
- Какой вы человек! – восхитился другом американец. – Слушая вас, думаешь, что вы уже раз сто проделали весь этот путь.
- Нравится маршрут?
- О, не то слово!
- А готовы ли вы к жертвам и лишениям, чтобы отыскать священный меч Будды?
- Я сделаю все, что вы скажете.
- Отлично! Давайте начнем с маленькой жертвы. – Капитан откупорил бутылку старого виски и наполнил два хрустальных стакана. – Вы лучше меня знаете, что китайское правительство неохотно пускает иностранцев в свои владения.
- Да, – согласился Корсан. – Мы рискуем тут головой. Если мы войдем в Гуанси в европейской одежде, нас живо арестуют.
- Что же делать? – спросил Казимир.
- У меня есть одна идея, по-моему, удачная. Мы загримируемся китайцами, привесим себе на затылок *биэньдзи*, да-да, косичку, и наденем *нань-чхань-гуй*¹².
- Что? Мне, гражданину свободной страны, чистокровному янки, вырядиться китайцем? Напялить проклятый *нань-чхань-гуй*?!
– Тогда предложите что-то лучшее, – обиделся Джорджио, но, видя, что американец сидит, будто онемев, не в силах издать ни звука, добавил уже дружелюбнее: – Теперь не до щепетильности, Джеймс, и не время самим себе чинить препятствия.
- Но подумайте! Мне привесить косичку? Я американец!
- Так и что с того?
- Меня поднимут на смех!
- Кто? Да и велика ли важность? Нам надо выиграть пари. Кстати, вы лукавите: в Плавающий город вы прибыли, переодевшись китайцем.
- Американец поискал, что возразить, но не нашел.
- Решайтесь, сэр Джеймс! – убеждал Казимир. – Подумаешь, какая-то косичка? Это ведь на время. Зато, когда мы наденем косы и кафтаны, то станем курить опиум и пить чай, как настоящие китайцы.

¹² Китайский национальный кафтан.

– Ты тоже привяжешь себе косу, Казимир?

– Конечно! Для большего эффекта я даже подкрашусь.

Корсан яростно скреб затылок и пыхтел, как тюлень. Для него, заклятого врага китайцев, было невыносимо надеть китайский кафтан и привязать ненавистную косичку.

– Путешествовать с таким подлым украшением и обуться в эти сандалии... как их... *лианг-сие* на высокой подошве?

– Все китайцы путешествуют в такой одежде, – смеясь, сказал капитан.

– Ладно, сдаюсь. Раз уж это крайне необходимо, я дам себя... разрисовать и одеть.

– Вот и хорошо, сэр Джеймс. Мы привяжем вам к затылку длинную косичку и наклеим на нос очки, – съехидничал поляк.

– Да погодите вы! Лишь бы насмеяться. Это такая жертва с моей стороны!

– Будет, Джеймс! – похлопал его по плечу капитан. – Обладание священным мечом Будды определенно заслуживает подобной жертвы.

– К черту бы я послал этот меч и всех азиатских богов вместе взятых! Мы еще и шагу не сделали, а уже такие трудности...

Капитан взглянул на часы:

– Одиннадцать. У нас мало времени. Давайте собираться.

Корсан вздохнул и понуро побрел за Джорджио и Казимиром в соседнюю комнату одеваться. Там он не без содрогания увидел кафтаны, рубашки, шальвары, косы, шляпы, сандалии, пояса, кошельки, очки и веера – все предметы гардероба доблестных сынов Небесной империи. Китайский цирюльник сбрил всем троим бороды, начернил усы, пригнув их кончики книзу, обрил часть головы и приколот *биэньдзи* – великолепную косу длиной фута три. Корсан все это время не переставал вздыхать и пыхтеть. Туалет путешественников оказался несложен. Сначала они умылись желтой водой, которая оставила на коже их лиц оттенок, свойственный китайцам, потом надели *pusain* – национальную шелковую рубашку, а поверх нее – *нань-чхань-гуй* длиной до колен. Кафтан они застегнули на многие крючки и пуговицы, стянули широким поясом *кхуань-яодай* и привесили к нему *кхоо-бао*, в котором лежали трубка, очки из прокопченного кварца и веер. Американец все еще продолжал переживать, пот лил с него градом, как после тяжелой работы.

– Все хорошо, Джеймс! – подбадривал капитан. – Вы уже наполовину китаец, осталось потерпеть еще немного.

– Для меня это равносильно двенадцати подвигам Геракла, – пробурчал Корсан.

Нечеловеческим усилием он заставил себя натянуть шальвары и обуть сандалии с широкими носами и высокой войлочной подошвой. Нахлобучив на голову уродливую шляпу в виде гриба, он бросился к зеркалу:

– О Господи! Я стал настоящим китайцем!

Затем Корсан стал внимательно рассматривать свои глаза, точно боясь увидеть их раскосыми, но оказалось, что, несмотря на перемену костюма, глаза остались такими же, как и были. Джорджио и Казимир, увидев, что американец словно прирос к зеркалу, покатывались со смеху.

– Клянусь пушкой, – потешался юноша. – Вы чистокровный китаец, сэр Джеймс!

– Хватит скалить зубы, плут! – возмутился Корсан, но потом так расхохотался, что задрожали стены комнаты.

Пробило двенадцать. У берега уже находились лодки европейцев и американцев из факторий и джонка с семьей гребцами. Нельзя было терять ни минуты. Окна и двери дома плотно закрыли заслонами, чтобы вилла в отсутствие хозяина не сделалась добычей ночных грабителей Хуанпу, которых в последнее время развелось немало, и все три искателя

приключений, вооруженные карабинами, пистолетами и *bowie-knives*¹³, спустились к берегу. Крекнер, Ольваэс, Баррадо, Родни и еще до полусотни друзей и знакомых ожидали путешественников. Расставание было трогательно, а пожелания – нескончаемы. Каждому хотелось обнять и расцеловать троих смельчаков, которым, может быть, и не суждено было больше увидеть Кантон. В двенадцать с четвертью прозвучал сигнал к отправлению, и капитан Лигуза, сэр Джеймс и Казимир сели в джонку, раскачиваемую волнами прилива.

– Да сопутствует вам Бог! – кричали из толпы на берегу.

– Спасибо, друзья! – Капитан помахал шляпой. – Через год, если Богу будет угодно, мы вернемся со священным мечом Будды!

Он сделал знак гребцам, те взяли за весла, и джонка отчалила, быстро устремляясь вверх по течению Жемчужной реки.

Глава IV

Плавание на джонке и китайский обед

Лодка, на которой отправились в путь неустрашимые искатели священного меча Будды, представляла собой обыкновенную китайскую джонку длиной около пятидесяти футов, с легким ходом и высокой носовой частью, украшенной огромной головой льва. В центре лодки возвышался узкий бамбуковый навес, служивший укрытием для путешественников, на корме располагалась мачта высотой около двенадцати или тринадцати футов с вымпелами и большим парусом. Экипаж, помимо троих наших героев, состоял из восьми человек. Шестеро были *танкиа*, то есть гребцы, – крепкие молодые, работающие, непьющие, но шумные; косы у них на головах были собраны в узел, а одежду составляли простой кафтан, открытый спереди, и шальвары – такие широкие, что образовывали складки на животе. Седьмой был *лаваду*, старший над гребцами и владелец судна по имени Луэ Коа, толстяк с круглым лицом, массивными скулами, тяжелым подбородком, сплюснутым носом и косой до самых колен. Этот лаваду уже несколько раз исправно служил капитану Лигузе, тот был вполне доволен и не обращал внимания на репутацию китайца, про которого говорили, что прежде он пиратствовал и торговал невольниками. Восьмой, Мин Си, любимец капитана Джорджио, носил звание *пин-чан-пиао*, или канонир-трубач. Этот человек невысокого роста с крупной головой, непропорциональной телу, раскосыми живыми глазами и длинными загнутыми книзу усами как свои пять пальцев знал все южные провинции Китая и считался надежным лоцманом.

Подгоняемая шестью сильными веслами и бурным приливом джонка благополучно миновала лабиринт островов и островков, который Сицзян образует в своем устье, и менее чем за двадцать минут достигла канала Гонам. Она с большим трудом прокладывала себе путь среди бесчисленных лодок, которые сновали вверх-вниз по течению и шли из Макао, Гонконга, Кантона, Фошаня, Шицзяо и Цзянмыня. Мимо джонки то и дело проносились напоминавшие туфлю сампаны¹⁴ с молодыми стройными лодчицами в широких *кавауе* и хлопковых шальварах; красивые *куо-чхан-тхоу* с выступающей вперед остроконечной кормой, нагруженные товарами и управляемые резвыми гребцами. В элегантных лодках *цзе-унг-тхинг* дремали важные мандарины и богатые горожане; длинные и тонкие *чха-тхинг* везли рис; огромные *ту-чхуау*, настоящие плавучие омнибусы, были переполнены пассажирами, а вокруг сновали *кхуай-тхинг*, похожие на венецианские гондолы и предназначенные для несения полицейской патрульной службы. Миновав этот оживленный участок, джонка скользнула в южный канал, отделенный от Фошаньского канала целой группой островков.

¹³ Bowie-knife (англ.) – крепкий нож длиной около фута.

¹⁴ Сампан – деревянное плоскодонное одномачтовое судно, передвигающееся с помощью весел и паруса.

Прилив все продолжался, и лодка двигалась спокойно и быстро. Три путешественника, до сих пор сидевшие под навесом, решили полюбоваться восхитительными видами. Берега были почти пустынные, но время от времени среди зелени выступали грациозные виллы с нарядно расписанными стенами и причудливо изогнутыми, покрытыми голубой или желтой черепицей крышами. Иногда мелькали живописные хижины, утопавшие в сирени и магнолиях, бамбуковые мостики, перекинутые через канальчики, и элегантные башни, так называемые *та-цеу*, взмывавшие в небо своими этажами, – там хранились реликвии буддистов.

Около полудня джонка сделала короткую остановку у одного из островков перед верфью, где несколько рабочих конопатили бок старого военного судна. Наши герои перекусили жирным гусем и выпили по несколько чашек чая – обязательного напитка для всех путешествующих по Китаю. Несколько часов спустя при попутном ветре поплыли дальше мимо Шицзяо – деревушки на берегу острова, отделяющего Фошаньский канал от Тамшао. Вода у берега кишела рыбой, которую стогнали туда пеликаны-рыболовы, чем и пользовались предприимчивые китайцы: по их свистку птицы доставали рыбу и приносили ее «хозяевам» прямо в клюве.

В четыре часа джонка уже прорезала канал Скунтак у самого острова, пробегая между двумя берегами, заросшими высоким тростником, в котором по временам виднелись верхушки хижин или изогнутые крыши богатых вилл. Немного подальше оба берега, до сих пор узкие, начинали заметно расширяться, образуя подобие озера с двумя островами, покрытыми густым кустарником. При сильном течении джонка к вечеру достигла северного устья, где стала на якорь напротив островка недалеко от предместья Цзянмыня. Путешественники сошли на берег и направились в гостиницу, расположенную под сенью двух больших тамариндов. Они очутились в просторной зале, освещенной большим фонарем из промасленной бумаги. Стены украшали росписи в виде цветов, лун, экзотических животных и огнедышащих драконов. Легкие изящные столики из тростника были сплошь заставлены фарфоровыми чайниками и чашечками, шкатулками и шкатулочками, вазами и вазочками, в которых подавали деликатесы китайской кухни. Хозяин заведения, толстый китаец-коротышка, появился откуда ни возьмись и долго кланялся гостям, много раз повторяя традиционное приветствие и сопровождая его то взмахами рук, то скрещиванием их на груди.

– Эй, милейший! – закричал американец. – Мы хотим есть, мы еще не обедали. Я бы не отказался от жареного козленочка.

– Что вы говорите, сэр Джеймс? – удивился Казимир. – В Китае очень сложно найти козлятину.

– Если у тебя нет козлятины, голубчик, тащи все, что имеется на кухне. Да поспеши, я голоден как волк.

Хозяин бросился выполнять приказание и с помощью двух прислужников быстро установил стол мисками, тарелками, вазочками и чашками, издававшими специфический запах. Корсан понюхал содержимое одной из мисок – жидкость зеленого цвета – и чихнул.

– Что это за отравка? – спросил он капитана.

– Бульон из стеблей кувшинок, – ответил Джорджио.

– А из чего начинка в пироге?

– Из жареных кузнечиков.

– Фу, гадость, – Корсан сморщился, – жареные кузнечики?

– Если не нравится, друг мой, здесь немало других кушаний. отведайте запеченных устриц, жареные каштаны, фрикасе из белых мышей в соусе или молодую собачку.

– Чтобы я стал есть мышей и собак?!

– Молодая собачка – деликатес, – объяснил Казимир. – Все равно что молочный поросенок. Сэр Джеймс, вот еще пирог из раков и суп на рыбьих плавниках. Лакомство!

– Вы издеваетесь! – воскликнул Корсан, выходя из себя. – Мыши, собаки, кузнечики, плавники... Это стряпня самого Вельзевула!

– Нет, Джеймс, – спокойно сказал капитан, – блюда очень вкусные, берите пример с меня и Казимира.

Джорджио придвинул к себе миску с фрикасе и начал есть с большим аппетитом, Казимир ел раков и суп из плавников, а Луэ Коа и Мин Си уплетали пироги с начинкой из кузнечиков. Корсан долго смотрел на них, не решаясь поднести ко рту даже кусочек.

– Не могу я, Джорджио, есть собачье и крысиное мясо.

– Вы слишком разборчивы.

– Разборчив? – вскричал американец и стукнул по столу так, что зазвенела посуда. – Я Джеймс Корсан, янки, полулошадь-полукрокодил, как зовут меня на родине!

– Крокодил не откажется ни от какой пищи, – усмехнулся Казимир.

– Ты думаешь? Ну, если так, то глядите!

Он схватил огромную ложку и яростно налег на блюда, поглощая подряд и кузнечиков, и мышей, и рыбы плавники, и каштаны, и кувшинки, обильно поливая все это соусом и крепким напитком *сам-шиу* – экстрактом перебродившего проса. Меньше чем за двадцать минут американский Гаргантюа съел все, что стояло на столе, и даже вылизал миски, тарелки и вазочки.

– Я почувствовал себя настоящим крокодилом, – сказал довольный Корсан, окончив трапезу. – По правде говоря, эта стряпня вкусная!

После обеда гребцы и лаваду вернулись на джонку, а трое белых путешественников и Мин Си остались в гостинице. Вечер они скоротали за чашкой цветочного чая и трубкой и в десять часов разошлись по отведенным комнатам. Внимательно осмотрев стены, чтобы убедиться, что в них нет потайных ходов, и крепко заперев двери, дабы оградить себя от какой-нибудь дикой выходки китайцев, наши путники растянулись на ложах из тростниковых плетеных с подушками из стеблей камыша, дающего приятную прохладу. Через несколько минут все четверо уже храпели так сильно, что вздрагивали стены.

Глава V

О Жемчужной реке, жемчуге и пиратах

Едва первый луч солнца проник сквозь штору, капитан Лигуза вскочил со своего ложа, готовый дать сигнал к отъезду. Слыша, что спутники еще похрапывают, он открыл окно, чтобы посмотреть на окружающую местность. Солнце быстро выкатилось из-за далекой цепи гор и уже щедро поливало плодоносные земли Небесной империи целым дождем горячих лучей, сверкавших на темной зелени кустов и обширных плантаций. Река Сицзян (Жемчужная), питаемая другой рекой – Бэйцзян, величественно несла свои воды с запада на восток между густыми зарослями бамбука, индиго, тамаринда, шелковицы и мангостана, орошая поля и сады вблизи деревушек. Домики, расписанные в яркие, с множеством красных оттенков, цвета и покрытые золотистой черепицей, казались игрушечными и радовали глаз своей приветливой нарядностью. Капитан взглянул и на джонку, которая красиво выделялась на фоне роскошной природы своим ослепительно-белым парусом и стройной мачтой. Гребцы, видимо, спали, а хозяин гостиницы всю хлопотал, отдавая приказания слугам. Капитан Джорджио постучал в соседние комнаты и по-морскому свистнул: Казимир и Мин Си мгновенно вскочили, а Корсан потянулся на циновках и сладко зевнул.

– Пора! – скомандовал капитан. – Сегодня поплывем по Сицзяну.

– О! По Жемчужной реке! – воскликнул янки, потирая руки. – Я наловлю там жемчуга и стану еще богаче.

– Ха, Джеймс, там жемчуга совсем нет.

– Ни за что не поверю! Ведь не зря же китайцы прозвали эту реку Жемчужной?

Собрав оружие и амуницию, искатели приключений сошли вниз по лестнице в общую залу, где хозяин со слугами уже кипятили воду к чаю.

– Вот молодец! – похвалил американец, энергично встряхнув хозяина за плечи. – Дай пожму твою лапу, достойнейший из китайских трактирщиков!

Корсан стиснул руку китайца так, что бедняга чуть не вскрикнул, после чего янки уселся перед целой дюжиной чашек с душистым чаем, накрошил туда кучу бисквитов и принялся поглощать их. Выпив чаю и заплатив хозяину за стол и ночлег, друзья покинули гостиницу и направились к джонке, где Луэ Коа и его гребцы только что позавтракали рисом и рыбьим жиром.

– В путь, Луэ Коа! Поднимайте паруса! – закричал американец и поддел ногой пустую миску из-под риса. – Что за дрянь ты ешь? Вот если хорошо послужишь, я нынче же вечером угощу тебя жареной птицей.

Луэ Коа поднялся, что-то ворча себе под нос, и велел распустить парус. Белые и китайцы заняли места в джонке и двинулись по каналу, огибая островок. Миновав этот клочок земли, на котором множество китайцев ловили рыбу маленькими гарпунами, лодка на полной скорости вошла в последний рукав реки и помчалась по нему прямо в Сицзян.

Путешественники, защищенные от палящих лучей солнца бамбуковым навесом и *ротангами* – большими шляпами из стеблей пальм, сидя на корме, с любопытством глядели по сторонам. Берега канала, сужавшиеся, подобно горлышку бутылки, вблизи острова, снова стали расширяться, образуя маленькое озеро. Повсюду, насколько хватало взгляда, простирались плантации, на окрестных болотцах гнездились целые стаи водяных птиц, кокетливо, как в зеркало, смотрелись в спокойные воды реки пагоды, возле хижин и сараев, готовые к погрузке на суда, громоздились тюки чайного листа. Мужчины и женщины, как муравьи, без усталости трудились на берегу и на плантациях: ловили рыбу, обрабатывали землю, собирали плоды – головы от палящего солнца защищали ротанги, из-под которых выбивались длинные косички, свисавшие почти до земли.

Около девяти часов утра Джорджио Лигуза, не покидавший капитанского мостика, привлек внимание своих спутников громким возгласом и указал им на Саньшуй – утопавшую в зелени крепость на левобережье. Она отчетливо выделялась на светлом фоне воды и неба своими раскрашенными в яркие цвета домами и куполообразными крышами с золотисто-красными флюгерами. Джонка пролетела мимо двойной линии судов, стоявших на якоре, и двинулась вверх по все более и более сужавшемуся руслу меж двух лесистых берегов. Луэ Коа привстал, чтобы легче было управлять судном. Скоро течение сделалось стремительным, река яростно бурлила среди трех островов, бешено кидаясь на джонку, которая беспомощно стонала, кренясь то на правый, то на левый борт. Джорджио, Джеймс и Казимир, держась за корму, старались рассмотреть место слияния двух рек: Сицзяна, несшего свои воды с запада, и Бэйцзяна, бежавшего с севера.

– Луэ Коа, гребцы! – крикнул американец. – Полный вперед!

– Помолчите! – огрызнулся китаец. – Мои люди обязаны выполнять только мои команды.

Гребцы, согнувшись на веслах, пропустили джонку под тремя островами, которые служили преградой против яростного течения. Держась под ними, она поднялась до слияния двух рек и поплыла по их водам, которые в дружном согласии катились к морю. В эту минуту Казимир заметил нескольких рыболовов, тянувших сети недалеко от островов. Опасаясь, как бы китайцы не заподозрили, что на джонке плывут чужестранцы, капитан Джорджио велел своим спутникам немедленно укрыться под навесом.

– Вы что, боитесь какой-нибудь мерзости от этих желторылых? – спросил Корсан.

– Осторожность не помешает, Джеймс, – ответил капитан. – Мне показалось, что Луэ Коа подал знак старшему из рыболовов.

Американец послушно спрятался под навес и сидел там, пока джонка подплывала к рыбакам, которых было человек двенадцать, все чистокровные китайцы, низкорослые, крепкие, с темно-желтыми лицами, широкими скулами, короткими подбородками, сплюснутыми носами и раскосыми глазами. Все были полуголые, выкрикивали какие-то слова и угрожающе потрясали своими *чань-шиангами* – чем-то вроде коротких пик, которыми они ловили рыбу.

– Почему они орут, капитан? – спросил Джеймс, который не мог долго оставаться в спокойном состоянии. – С какой стати они на нас так воинственно смотрят?

– Сейчас узнаем, – ответил Джорджио, из предосторожности заряжая винтовку.

– Не бойтесь, капитан, – успокоил его Мин Си. – Их слишком мало, чтобы напасть на джонку, на которой плывут трое белых. Прикажите Луэ Коа держаться подальше от островов.

– Эй, Луэ Коа! – крикнул Джорджио. – Куда правишь джонку? Держись середины реки!

– Давайте купим у них рыбы, – предложил кормчий. – Вон сколько крупных форелей, и отдадут дешево.

– Нам не нужна рыба.

– Зря вы не делаете запасов, – покачал головой китаец. – Если потом что-то приключится в дороге, пожалеете.

– Эй, заткнись! – прогремел американец. – Будешь соваться со своими пророчествами, я тебе все ребра переломаю!

Луэ Коа понял, что лучше замолчать, и повернул джонку. Тотчас же рыболовы начали горланить, угрожать, браниться, а некоторые вскинули гарпуны, целясь в гребцов. Американец выскочил из-под навеса с винтовкой в руках и готов был стрелять, пока Луэ Коа направлял джонку к противоположному берегу. Но капитану, бывшему настороже, показалось, будто китаец нарочно медлит, чтобы дать рыболовам время переплыть реку. Заметив этот маневр, Джорджио бросился к лаваду, оттолкнул его и завладел рулем.

– Джеймс! – закричал он. – Смотри в оба за гребцами, а ты, Казимир, возьми на прицел пиратов!

Одним поворотом руля Джорджио направил джонку в нужную сторону и поставил под ветер, который погнал судно по течению. При виде убегающей добычи, которую они уже считали своей, взбешенные рыболовы завопили громче прежнего, и около десятка камней полетели в навес, зашибив одного из гребцов.

– Пли! – скомандовал Корсан.

Казимир выстрелил прямо в середину шайки, которая мгновенно рассыпалась, попрятавшись за кустами и в канавах. Чтобы нагнать на желторожих еще больше страха, американец разрядил оба своих револьвера.

– Какие храбрецы! – воскликнул он, жалея, что не убил ни одного китайца. – Скажите, Джорджио, эти желтые обезьяны, по-вашему, пираты?

– Я не исключаю.

– Они намеревались напасть на наше судно?

– Если бы они могли, то напали бы. Лучше спросим у нашего кормчего, какого он об этом мнения, – предложил капитан. – Не правда ли, Луэ Коа, это были самые настоящие китайские пираты?

– Может быть, – невозмутимо ответил Луэ Коа. – Вполне естественно, что на китайских реках и пираты тоже китайцы.

– Как вполне естественно и то, что Луэ Коа – в прошлом пират и отлично знаком с пиратами Сицзяна, – добавил американец.

– Я – пират? – вознегодовал китаец.

– Да, желтая твоя рожа! Вон Мин Си прекрасно знает про твои похождения в верхнем течении Сицзяна. Попроси его – он тебе расскажет.

Китаец позеленел, как ящерица, но сдержался, поправил очки и занял место у руля, спокойно напевая какой-то национальный гимн. Вечером джонка, пройдя почти девяносто лье, пристала к левому берегу Сицзяна. Лодочники принялись готовить себе ужин, Казимир и Мин Си пошли в сторону рисовых плантаций, надеясь убить по пути золотистого фазана, а Корсан, пройдя шагов сто вверх по берегу, остановился и принялся ковырять длинной палкой речной песок.

– Эй, Джеймс! – окликнул его капитан. – Что вы делаете? Измеряете глубину реки?

– Нет! – ответил американец. – Ищу жемчуг, но пока нахожу одни камни, которые того и гляди порвут мой сачок.

– Как! Вы для этой цели запаслись даже сачком?

– Конечно, раз я решил искать жемчуг в Сицзяне.

– Бедный друг, сколь тяжким будет ваше разочарование!

– Да, я сам это чувствую.

В эту минуту поляк и китаец вернулись с охоты, оба нагруженные, как мулы, гусями и утками. Все четверо направились к лагерю, но, к своему удивлению, не застали там ни гребцов, ни лаваду, и капитан забеспокоился:

– Как они могли уйти спать, не дождавшись нас? А, вон они! Полюбуйтесь! Сбились в кучку на траве, точно бараны.

– Боже, а что это с ними? – удивился Корсан. – Слышите? Они как будто храпят?

В самом деле шестеро танкиа вместе с кормчим лежали на траве в расхлябанных позах и то храпели, то бормотали что-то бессвязное.

– Виски! – вне себя вскричал американец. – Эти желтые морды выпили все мои запасы! – Он бросился к навесу и увидел, что ужин съеден, а шесть совершенно пустых бутылок виски валяются на полу. – Вот скоты! Нажрались, как свиньи!

– Клянусь пушкой, – сказал поляк, – нас ограбили.

– Я сейчас сделаю бифштекс из этой собаки Луэ Коа! – завопил американец, расточая удары направо и налево, но пьяницы даже не шелохнулись.

– Тише, Джеймс, уговорите, – вступился капитан.

– Да разве вы не видите, что все бутылки выпиты?

– Купим еще виски в Чжаоцине.

Еле-еле капитану удалось утихомирить вспыльчивого американца, да и то лишь тогда, когда Казимир подал на ужин с полдюжины жареных гусей. Обжора мигом упрятал пару штук в свой вместительный, как у Гаргантюа, желудок и заметно подобрел. Около полуночи все четверо разлеглись под навесом, любясь тем, как луна, выплыв из-за леса, осветила чудную картину уснувшей природы.

Глава VI

Стычка на острове

Ночью путешественников никто не беспокоил: ни дикие звери, ни пираты, хотя их много в китайских провинциях, особенно вдоль побережий. Когда Казимир высунул голову из-под навеса, шестеро гребцов и рулевой еще спали.

– Сэр Джеймс, – сказал юноша американцу, который зевал, как медведь, не спавший целую неделю. – Сразу видно, что ваш виски высшего сорта. Посмотрите-ка, эти пьянчужки еще дрыхнут, да с таким блаженством, что позавидуешь.

– Ничего, скоро им будет не до сна, – угрюмо ответил Корсан. – Ты еще удивишься, какую шутку я сыграю с этими желторожими собаками. Уверю тебя, я отобью у них охоту пить чужой виски и отомщу за то, что они обокрали гражданина свободной Америки.

– Готов помочь вам в этом.

– Не делайте глупостей, – строго предупредил капитан. – Луэ Коа может выдать нас властям в Чжаоцине и восстановить против нас народ.

– К черту Чжаоцин! – закричал янки. – Великий Боже! Чтобы трое таких людей, как мы, побоялись семерых китайцев? Смешно подумать! – В эту минуту Луэ Коа проснулся и стал тереть глаза, и американец накинулся на него со сжатыми кулаками: – Тварь! Животное! Где мой виски?

– Вы сами зверь хуже всех, – пробормотал китаец.

– Еще осмеливаешься дерзить, пират?! – заревел Корсан и ударил кормчего прикладом ружья.

Китаец отпрянул и в бешенстве заорал:

– Прочь, чужеземец! Лифу, Лианг, ко мне!

Гребцы моментально прибежали на помощь.

– Ах ты, тварь! – воскликнул Джеймс в сердцах. – Ну погоди, желтая рожа, я тебе выпрямлю твои косые глаза. Давай сбросим их в воду, Казимир! – С этими словами янки снова ударил рулевого, который упал, но тотчас вскочил и, выхватив нож, завопил:

– Еще раз тронешь, пойдешь под суд! Убирайся с нашей земли, чужестранец!

– Смерть белым! – дружно прокричали гребцы, окружив своего хозяина.

– Подлецы! – свирепствовал американец. – Долой нож, урод! Что ты, комедию, что ли, разыгрываешь? Так я выбью сейчас твои косые глаза!

– Это еще посмотрим, – прошипел Луэ Коа.

Капитан Джорджио, услышав крики, покинул капитанский мостик и бросился усмирять ссорящихся.

– Прекратить! – скомандовал он. – Сдурели вы, Джеймс? И ты тоже хорош, Казимир! Вы что, хотите, чтобы нас зарезали за шесть бутылок виски? Уберите ружье к чертовой матери!

– Эй, зубастый, – сказал Мин Си рулевому, – ты бы помалкивал, а то кончишь тем, что получишь пулю в лоб.

– Дайте мне перерезать горло одной из этих собак, Джорджио! – надрывался американец. – Если их не проучить, в один прекрасный день они убегут, прихватив все наше оружие.

– Хватит, Джеймс!

– Вы слишком добры, капитан, и напрасно. Этих желторожих надо держать в узде, как вы не понимаете?

Ссора, чуть не дошедшая до смертоубийства, слава богу, стихла, но не так скоро. Обе стороны еще посылали друг другу ругательства, угрозы и упреки, и только авторитет Джорджио Лигузы заставил замолчать разбушевавшихся драчунов. Палатку и съестные припасы перенесли на джонку, и капитан дал сигнал к отъезду. Под сильными ударами шести весел джонка выбралась на середину реки и помчалась вверх по течению, держась правобережья. Часам к двенадцати путешественники приблизились к селению из пятидесяти хижин, но подойти к берегу не удалось, так как жители встретили новоприбывших страшными криками, многие швыряли в них камни, а некоторые даже подняли ружья и прицелились с явным намерением спустить курок.

– Проклятые китайцы! – вопил американец. – Боятся, что мы завоюем их империю. Ради чего, скажите? Ради какой-то вонючей бумаги?

– Ладно, сэр Джеймс, – устало сказал Казимир. – Небесная империя не стоит столько бранных слов.

– Небесная империя! Да кто этот осел, назвавший Китай Небесной империей?

– Так много таких ослов, в том числе и американцы.

– Никогда не поверю! Что за глупости? Китай не заслуживает такого величественного имени!

– А вот и нет, – вмешался капитан. – Китай, который вы так презираете, милейший, в Азии считают обетованной землей, настоящей Небесной империей, и это еще не всё: Китай называют *Cundso* и *Ciu-si*, что означает «срединная империя». Наша древняя Европа и ваша Америка, по мнению азиатов, – только сателлиты Китая.

– Еще чего! – огрызнулся Джеймс. – Мне наплевать на мнение неграмотных лодочников.

– Говорят, что Китай – это солнце, а Америка – лишь малый спутник.

– Для чистокровного американца это звучит оскорбительно, Джорджио.

– Для европейца тоже, Джеймс.

– Ну так и прекратим эти басни. Вы просто издеваетесь надо мной и хотите, чтобы меня разорвало, как котел. Эти мерзкие желтые рожи еще вчера ничего не знали о своем существовании. Откуда такие высокие фразы?

– Что вы, Джеймс! – перебил капитан. – Китай знал о себе очень многое на несколько веков раньше Америки.

– Клянусь Бахусом! Вы ошибаетесь, этого быть не может, Америку узнали...

– ...после Китая, – добавил капитан, – а если конкретнее, то Китай был известен за девять веков до нашей эры.

Корсан изменился в лице и долго молчал, после чего грустно сказал:

– Как жаль, что Америку не открыли раньше Китая...

– Пеняйте на Христофора Колумба, – засмеялся Казимир. – Вы не правы, сэр Джеймс, я на стороне капитана Джорджио.

– Я тоже, но все-таки обидно за Америку.

– Будет вам, Джеймс, – улыбнулся капитан. – Америка, хотя ее и открыли всего три с половиной столетия тому назад, опередила одряхлевшую Китайскую империю. Истинная правда, что в давно прошедшие времена Китай стоял во главе цивилизации и даже Европа отставала от него, но так же верно и то, что за две тысячи лет он остановился в своем развитии, как машина, у которой перестали двигаться колеса, понимаете?

– Браво, капитан! – захлопал в ладоши Корсан. – Вы гениальный историк и дипломат!

Джонка пристала к острову с плантациями бамбука, тузовыми и ореховыми деревьями и ананасовыми растениями. По знаку капитана Луэ Коа привязал лодку к стволу.

– Хорошенькое местечко! – воскликнул американец, спрыгнув на берег с ружьем в руках. – Смотри, Казимир, сколько здесь уток и гусей! Пошли на охоту!

– Островок этот так себе, – произнес поляк, пожимая плечами, – и виски здесь вы не найдете, это точно.

– Да я особенно и не ищу. Придет время – я доберусь до какого-нибудь кабачка, где выпью столько виски, что просплю после этого целую зиму.

– Ах, сэр Джеймс!

– Довольно! Надо добыть жаркое на ужин.

Гребцы поставили палатку и разожгли костер. Джеймс и Казимир съели штук двадцать сухарей, выпили два чайника чаю, зарядили карабины и отправились вглубь плантаций. Вечерело. Солнце, красное, как медный диск, быстро опускалось за высокие западные горы, бросая последние лучи на верхушки деревьев. Дул свежий ветерок, донося запах магнолий и сирени и раскачивая бамбук на плантациях. Со всех сторон поднимались в воздух целые стаи уток, гусей и фазанов, нарушая тишину сумерек шумом своих крыльев.

– Похоже, этот остров необитаем, – сказал Корсан спустя некоторое время. – Настоящий Эдем. Как это его до сих пор не заселили эти желтые рожи? Ой, кто-то кричит с берега! Наверное, там полно гусей.

– С чего вы взяли?

– Смотри-ка туда! Похоже, недалеко отсюда ходят живые бифштексы. Я только что заметил одно животное, и мы не должны позволить ему удрать.

– Тигра, что ли? Тогда я сам убегу!

– Фу ты, – с презрением произнес американец, – бояться китайских тигров – ниже нашего достоинства. Вон погляди на те кусты, там прячется зверь!

– Точно! Клянусь пушкой!

Корсан нагнулся, навел дуло карабина на что-то промелькнувшее в кустах и выстрелил. Казимир кинулся в заросли и схватил животное, конвульсивно бившееся в последних судорогах.

– Ого! Это что за зверь? Я никогда не видел такого!

Джеймс внимательно осмотрел добычу. Убитое животное, не очень крупное, было сплошь покрыто закругленными чешуйками, будто черепицей, и больше походило на рыбу, чем на млекопитающее.

– Панголин, – важно объявил американец. – Странное животное, китайцы называют его *ling-lai*, или земляная форель, а ученые – *pholidotus dahlmanni*. Мне это капитан рассказал, он однажды угощал меня мясом этого...

Пронзительный свист прервал Корсана. Казимир охнул и отступил назад. Из-за куста неподалеку поднялся китаец в длинной голубой симаре и каске, увенчанной странным плюмажем. В руках он сжимал аркебузу с двумя штыками.

– Что здесь делает эта обезьяна, да еще с такими вилами? – прошептал американец.

– Молчите ради бога, сэр Джеймс, – попросил Казимир.

– О! Смотри-ка, вон еще чучела!

Три солдата, тоже вооруженные аркебузами, вылезли из бамбуковых зарослей.

– Эй! – крикнул Корсан, видя, что в него целятся. – Мы не разбойники и не грабители. Опустите оружие.

Один из солдат, видимо, старший, велел незнакомцу немедленно покинуть территорию, но упрямый американец и не думал подчиняться, наоборот, он вошел в раж и произнес путаную речь, мешая английские слова с китайскими и пытаясь объяснить цель своего визита. Солдаты замерли, ничего не отвечая, сильно удивленные.

– Видал, Казимир? Ничего поразительного в том, что эти желторожие не понимают нас, цивилизованных людей. Так, может, мы хотя бы виски у них добудем?

Но едва американец сделал шаг вперед, как четыре дула нацелились на него, и Корсан с поляком метнулись в заросли. Вслед грянул выстрел, по счастью, никого не задевший.

– Ах, твари, – прорычал Корсан, переводя дух, – так-то вы принимаете джентльмена свободной Америки?

– Пойдемте отсюда скорее! – умоляюще произнес Казимир.

Раздался второй выстрел, и одна из пуль ударила в бамбуковое дерево всего в нескольких дюймах от путешественников. Оба бросились бежать прямо через поля, топча посеvy, и остановились только у реки.

– Канальи! – возмущался Корсан. – Принять американца за вора и разбойника! Стрелять в порядочных людей, таких как мы с тобой! Не наглость ли это, Казимир?

– Честно говоря, я их понимаю, сэр Джеймс. Мы и в самом деле похожи на пиратов.

– На пиратов? Ты что, издеваешься?

– Нет, сэр Джеймс. Эти китайцы – честные воины Небесной империи. Они охраняют свой пост и увидели, что мы вооружены и прогуливаемся в столь поздний час по пустыне.

ному острову. Разве могли они принять нас за джентльменов? К тому же слово «виски» вы произнесли так громко и с таким вызовом, что оно прозвучало как угроза. Вы уверены, что они правильно поняли значение этого слова?

– Похоже, ты прав. Наверное, они приняли это слово за какое-то серьезное требование. Черт возьми, на этом острове не раздобудешь ни капли виски! Ну ладно, приедем в Чжаоцин – я выпью столько, что, наверное, лопну.

– Выпьете там и запасем на будущее, чтоб нам хватило до самой Бирмы. Мы нагрузим бутылками виски всю джонку!

Передохнув пару минут, охотники пустились по извилинам берега, в целях безопасности держась плантаций, и вернулись в лагерь к десяти часам вечера – в то самое время, когда капитан Джорджио уже собирался на их поиски.

– Где вы были? – спросил он.

– На охоте, – ответил американец.

– Встретили кого-нибудь из местных?

– Солдат, которые в нас стреляли.

– Что вы там натворили?

– Ничего, клянусь вам!

– Тогда спать, уже поздно.

– А китайцы?

– Они слишком трусливы, чтобы нас преследовать.

Путешественники улеглись в палатке, нисколько не думая о китайцах, которые, впрочем, больше не показывались. В шесть часов утра джонка, подгоняемая сильным попутным юго-восточным ветром, отправилась дальше и шла так ходко, что на заре следующего дня бросила якорь недалеко от Чжаоцина.

Глава VII

Неприветливый Чжаоцин

Чжаоцин находится на правом берегу Сицзяна в двадцати лье от Кантона. Город невелик, защищен бастионами и окружен крепкими стенами, за которыми раскинулись предместья, утопающие в пышных садах. Дома ярко раскрашены и увенчаны бамбуковыми террасами, пиками, коньками и целым лесом флюгеров всех форм и размеров. В центре города в роскошном дворце живет губернатор провинции, а рядом построена величественная девятиэтажная башня с множеством фронтончиков под крышей.

Нарядившись в кафтаны до колен, подпоясавшись широкими поясами, прикрепив на затылок фальшивые косы, наши герои сошли на берег. Носильщики, лодочники и торговцы запрудили набережную, хотя было всего семь часов утра. Путешественники протиснулись сквозь толпу и направились по улице, состоявшей из лавок с броскими вывесками, домиков, окрашенных в желтый, красный и зеленый цвета, и грациозных садов и аллей. Нужно было найти пристанище, но гостиниц на протяжении четверти лье, как назло, не попадалось, и вдруг капитан Лигуза заметил «хвост»: за ним и его спутниками шли несколько китайцев, которые оживленно разговаривали и показывали на ряженых «соотечественников» пальцами.

– За нами следят, – сказал Джорджио.

– Кто? – спросил Джеймс.

– Какие-то подозрительные типы.

– Ну их к черту! Стоит ли беспокоиться?

– Осторожность не помешает. Прибавим шагу на всякий случай.

Они быстро двинулись по улице и, к своей удаче, наконец увидели впереди здание гостиницы – как потом выяснилось, одной из лучших в Чжаоцине. Высокая лестница вела в обширную залу, стены которой были оклеены декоративной бумагой *танг-поа*, а пол устлан красивыми белыми циновками. Вдоль стен стояли низенькие столики с фарфоровой посудой и легкие бамбуковые стулья, окна украшали со вкусом подобранные шторы. В одном углу залы висели часы в виде небольшого курительного прибора. Невысокого роста человек в очках и с *квей-шеу* – веером из пальмовых листьев – вышел навстречу посетителям, поминутно кланяясь и бормоча приветствие:

– Изин! Изин!

Мин Си по-китайски спросил его, могут ли гости рассчитывать на сытный обед и отдельные комнаты. После многих поклонов хозяин гостиницы проводил наших героев в комнату соседнюю с залой и велел подать кушанья, которые все, даже привередливый американец, сочли вкуснейшими, а чай, поданный в чашечках цвета морской волны, и крепкое пиво окончательно развеселили всю компанию. Джеймс и Казимир решили пройтись по городу и распить бутылочку виски в каком-нибудь кабачке, но когда друзья спускались по лестнице, прихватив с собой ножи и револьверы, они увидели внизу группу китайцев, которые, похоже, давно поджидали незнакомцев. Один из этих любопытных дерзко поглядел американцу прямо в глаза.

– Эй, ты что на меня уставился? – спросил сэр Джеймс и толкнул китайца в бок, но тот, как ни странно, не полез в драку, а только рассмеялся и что-то сказал своим товарищам.

– Черт возьми, дело плохо, – проворчал Казимир, поправляя шляпу и косичку. – Я узнал среди этих китайцев того самого типа, что следил за нами нынче утром.

Выйдя из гостиницы, друзья стали разыскивать кабачок, не замечая, что двое из любопытных китайцев идут за ними прямо по пятам.

– Вот, вроде бы, что-то подходящее, – сказал Джеймс, распахивая двери неизвестного заведения. – По правде говоря, скверновато тут, однако это не мешает нам выпить за процветание трех славных держав: Италии, Америки и Польши.

Даже при тусклом свете полудюжины фонарей, развешанных на почерневших от грязи стенах, посторонний заметил бы, что в кабачке дым стоит коромыслом. Посетителей было человек пятьдесят: большинство сидели за столиками, заливая в глотку адские напитки, другие, оборванные и грязные, перепившись, уже валялись на заплеванном полу, третьи, бледные и изнуренные, курили опиум, то трагически закатывая глаза, то хохоча без меры или шевеля губами, будто отпивая из воображаемого бокала. Многие курили, поэтому в помещении было хоть топор вешай, к тому же сильно пахло машинным маслом – наверное, от спецодежды рабочих. Джеймс и Казимир с трудом нашли в углу грязный хромоногий стол и уселись за него. Грубый толстый кабатчик с косой вокруг головы подошел спросить, чего желают гости.

– Виски, милейший, настоящего американского виски! – сказал Джеймс, вертя таэль перед глазами хозяина.

– Чего? – грубо переспросил кабатчик. – В Чжаоцине не пьют виски.

– Тогда давай джину.

Американец заплатил, и вскоре подали две бутылки. Казимир едва успел откупорить первую, как шесть или семь китайцев – старых знакомых – вошли в кабачок и уселись за соседний стол напротив наших путешественников.

– О, – сказал янки, сжимая кулаки. – Те самые соглядатаи! Эти рожи начинают мне надоедать.

– Осторожнее, сэр Джеймс.

– Пока они нас не тронут, Казимир, а дальше поразвлечемся. Вот для начала... – С этими словами Корсан плеснул себе в стакан джина, залпом выпил и закричал: – Каналья кабатчик! Мошенник! Это не джин, а сам-шиу, с чем-то смешанный!

– А по правде говоря, напиток-то недурен, – сказал Казимир, пропустив стаканчик. – Наши шпионы охотно опорожнили бы эти бутылки, попадись они им в руки. Поглядите, с каким вожделением они на них смотрят.

– Ты ошибаешься, – возразил американец, – они смотрят на нас.

Действительно сидевшие напротив китайцы с интересом разглядывали иностранцев и оживленно разговаривали между собой. Они выпили несколько чаш сам-шиу и стали громко хохотать, указывая на наших героев пальцами, а некоторые даже вытащили ножи.

– Пахнет грозой, – сказал Корсан. – Уберемся-ка, пока не разразилась буря. Здесь явно что-то затевается.

Допив джин, друзья поднялись из-за стола, но заметили, что китайцы тоже вскочили, метнулись к дверям и притаились в кустах.

– Ого! – вскричал американец, подпирая руками бока. – Дело принимает интересный оборот. – Он бросился к одному из китайцев, который загораживал вход, и так сильно ударил его кулаком, что тот опрокинулся и задрогал ногами в воздухе. – Прочь с дороги!

Остальные китайцы, попытавшиеся было прийти на помощь товарищу, увидев такую расправу, в страхе разбежались, освободив проход, но едва Джеймс и Казимир сделали с полсотни шагов по направлению к гостинице, как поляк закричал:

– Китайцы! Их много!

Внушительная группа людей с палками и фонарями в руках заняла конец улицы. Появление чужестранцев они встретили резкими криками.

– Пойдем вперед, – решительно сказал Корсан.

– Тогда придется драться, и прибегут солдаты.

– Ладно, Казимир. Повернем направо.

Они завернули за угол и пошли по небольшой улочке, но, пройдя футов сто пятьдесят, очутились перед второй группой китайцев, которые вопили:

– *Фан-квей-вейло! Вейло!*

– Что они кричат?

– Называют нас чертовыми иностранцами.

– Вот наглецы! Атакуем их.

– Но ведь дело дойдет до свалки?

– Что ты предлагаешь?

– Лучше вернемся.

– Чтобы очутиться перед третьей такой же шайкой?

– Вы правы, сэр Джеймс.

– То-то, вынимаем оружие и вперед! – скомандовал американец.

Они вытащили револьверы и храбро вошли в толпу. Корсан оттолкнул одного из китайцев, с криком загораживавшего ему дорогу, и, поднеся револьвер к самому его носу, крикнул:

– Пошел прочь!

Китаец быстро ретировался к своим приятелям, которые поспешили очистить проход, а путешественники бросились к гостинице, петляя по лабиринту переулков, и наконец, запыхавшись, остановились у дверей.

– Смотрите!

Оба увидели, как человек семь китайцев бегут через улицу, а за ними почти по пятам гонится отряд солдат.

Глава VIII

Как Корсан покупал джин

Но приключениям этого дня не суждено было окончиться благополучно. Хозяин гостиницы, заметив, что его постояльцы вооружены ножами и револьверами, заподозрил в них иностранцев и из страха за собственную жизнь и безопасность попытался выпроводить нежеланных гостей за дверь. Только этого не хватало, чтобы привести в бешенство американца.

– Негодяй! – закричал Корсан, покраснев, как вареный рак. – Ты хочешь выставить нас на улицу? Мошенник! Ты за кого нас принимаешь? Молчать, черт тебя дери!

– Любезнейший, – спокойно обратился к хозяину капитан, – куда же нам идти? Разве по нам не видно, что мы никакие не разбойники, а самые настоящие господа?

– Вы хотите обмануть меня! – завопил китаец, глядя исподлобья. – Вы шпионы, а не китайцы, за исключением вон того маленького с большой головой, – он показал на Мин Си, – который не боится приводить чужеземцев в нашу страну. Ступайте вон! Я не хочу из-за вас отведать бамбуковых палок. Заберите вещи и покиньте мою гостиницу.

– Эй, ты не очень-то повышай голос и прикуси язык! – Корсан показал китайцу оба кулака. – Берегись! Станешь шуметь – я разобью тебе голову, прежде чем кто-то из твоих слуг подоспеет к тебе на помощь. Я уйду из этого заведения только тогда, когда мне самому надоест в нем жить.

– Что с ним долго разговаривать? – добавил Казимир. – Поймать его за косу и вышвырнуть отсюда!

Китаец, видя, что белые окружают его с ножами в руках, страшно испугался.

– Вы же не хотите убить меня? – пробормотал он таким голосом, что американец покатился со смеху.

– Мы тебя пальцем не тронем и не собираемся тебя разорять, – сказал Лигуза. – Ты прав, мы не китайцы, этого не скроешь, но и не шпионы – тут ты ошибаешься. Позволь нам переночевать у тебя нынешнюю ночь, но предупреждаю: если ты сделаешь хоть один шаг по направлению к полиции или к тем шести-семи негодяям, которые постоянно вертятся у дверей, я лично проткну тебя, как фазана, и изжарю на вертеле. Поклянись, что оставишь нас в покое!

– Клянусь, – промямлил китаец, у которого кровь застыла в жилах.

– Ну вот, договорились. И помни: кто предупрежден, тот наполовину спасен; думай, прежде чем действовать.

Джорджио бросил горсть монет на стол и поднялся со своими спутниками на верхний этаж, где, тщательно забаррикадировав двери, они зажгли фонарь и стали совещаться, наскоро ужиная гусем под зеленым соусом. Остаться в этом заведении при той буре, которую они произвели своим появлением в городе, было опасно. Следовало ожидать нападения со стороны шайки, вожаки которой все время сторожили двери в гостиницу, а может быть, и визита полиции, что повлекло бы за собой арест и изгнание всех троих из Китая. Если их выдворят из страны, они никогда не найдут священный меч Будды и проиграют пари.

– Мы попали в сложное положение, – заметил капитан. – Если останемся здесь, то нам не избежать стычки с китайцами, но как отсюда выйти? А если и выберемся, куда идти и где искать наших гребцов? Во всяком случае надо постараться попасть на джонку. Это мое мнение.

– Пустяки, капитан! – перебил Корсан. – Неужели вас пугает шайка сорванцов? Выйдем на улицу и, стреляя направо и налево, пробьемся прямо к реке.

– К черту ваши проекты! – рассердился Джорджио. – Мы не сделаем и десяти шагов, как весь гарнизон города окажется у нас за спиной. Что ты предлагаешь, Мин Си?

– Я одобряю вашу идею, – ответил китаец. – Но найдем ли мы гребцов на джонке? Сперва надо в этом убедиться, а уж потом пробираться туда, так как если мы останемся здесь, то завтра эти сорванцы, как их называет сэр Джеймс, устроят нам под окнами какую-нибудь мерзкую выходку.

– А наши припасы? – спросил американец.

Мин Си неопределенно пожал плечами:

– До Учжоу недалеко.

– Мин Си прав, – сказал поляк.

– Прав, как заяц, – возразил Корсан. – Мы, белые цивилизованные люди, будем убегать через окна, как какие-то воришки! У меня вся кровь закипает при одной мысли о таком отступлении. Кстати, виски в Учжоу продают? И найдем ли мы своих гребцов?

– Кто-нибудь пойдет на поиски.

– Кто же?

– Один из нас, конечно, что за глупый вопрос? – вскинул брови капитан.

– Тогда пойду я, – вызвался американец.

– Полно, Джеймс! Для такого предприятия требуется осторожный человек, а не вы, задира.

– Что вы хотите этим сказать?

– Что вы слишком горячитесь.

– Обязуюсь соблюдать осторожность.

– Успокойтесь и предоставьте мне поступать так, как я считаю нужным, и уверяю вас: все будет хорошо.

– Можно я пойду? – попросил Казимир у капитана. – Сэр Джеймс чересчур горяч, вы – глава экспедиции, вас нельзя ставить под удар, следовательно, лучшая кандидатура – моя. Я вполне могу рискнуть своей шкурой.

Мин Си также захотел принять участие в операции, и они с Казимиром горячо заспорили, кому идти. Капитан, которому надоели эти пререкания, предложил бросить жребий. Он написал четыре имени на клочках бумаги, тщательно свернул их и положил в шапку. Мин Си наугад вытащил. Идти выпало Корсану.

– Что я говорил?! – Джеймс торжествующе улыбнулся. – Сама судьба меня выбирает. Успокойтесь, друзья, я проверну дело наилучшим образом.

– Надеюсь, – вздохнул капитан, – и поторопитесь.

– Да я готов, но откуда выходить? Из дверей невозможно – перед ними расхаживают шпионы. Есть какие-то идеи на этот счет?

– Знаю только один вариант: окно, – сказал Джорджио.

– Вот и ладно, – согласился американец. – Лишь бы мне не переломать себе ноги.

Лигуза отворил окно на узенькую улочку, застроенную домишками с садиками, и взглядом измерил высоту.

– Двенадцать футов. Как вам?

– Вроде, не очень высоко, – ответил Корсан. – Ну-с, будем прыгать. Если я не вернусь, считайте меня погибшим.

Он пожал товарищам руки, перекинул через подоконник ноги и прыгнул, до самых колен погрузившись в желтоватую пыль.

– Вы ничего себе не сломали? – встревожился капитан, глядя вниз.

– Я цел и невредим.

– Видите кого-нибудь в конце улицы?

– Ни души. Все, я пошел!

Он махнул друзьям на прощание, нащупал рукоятку револьвера и зашагал по улице. Ночь была темная, без звезд и луны – очень подходящая для засад и внезапных нападений. Кругом ни души за исключением нескольких тощих собак, лакавших воду из луж, и не слышно ни звука кроме скрипа флюгеров, вертевшихся при порывах ветра.

– Ну и ночь, – мычал себе под нос Корсан. – Темнее, чем в жерле пушки. Так, храбрый Джеймс, ты весь должен быть глаза и уши. Черт! Как найти этих желторожих гребцов? Готов держать пари на тысячу долларов, что они уже напились и храпят в каком-нибудь кабаке. – Разговаривая сам с собой, янки прошел по переулку и свернул на большую улицу, посреди которой прыгали несколько собак, при виде человека оскаливших зубы и глухо зарычавших. – Проклятые твари! – выругался американец. – Даже они ненавидят иностранцев. Бешеная страна!

Возле одного из домов метнулась тень в сторону дороги, и Корсан вдруг увидел прямо перед собой китайца ростом почти шесть футов, с массивными плечами, огромной головой и длинными усами.

– О, – непроизвольно вырвалось у Корсана, и он тут же нащупал револьвер.

– О, – как эхо, отозвался великан, приблизился к американцу и поглядел на него сверху вниз, после чего, видимо, довольный осмотром, принялся громко хохотать, разевая широкий, почти до ушей, рот.

– Клянусь Бахусом! – воскликнул Корсан. – Однако ты храбр, Геркулес, коли смеешься мне в глаза, но предупреждаю: если ты вор, то не получишь от меня ни одного сапека¹⁵. – Поскольку великан продолжал хохотать, американец почувствовал, что внутри у него все закипает: – Что смешного ты увидел на моем лице, китайская твоя рожа?

– Ты иностранец, – бесстрастно проговорил великан.

– А! Какое открытие! Ты все знаешь. Тем лучше. Давай: кругом – марш! – крикнул Джеймс и вынул револьвер.

Гигант оказался понятливым, повернулся и побежал по узкому переулку. Корсан перезарядил револьвер и ускорил шаг, внимательно глядя по сторонам, по временам останавливаясь и чутко прислушиваясь. Так прошел он семь или восемь улиц, сопровождаемый стаей собак, неистово лаявших ему вслед, и добрался до обширной площади, где снова остановился, услышав поблизости бряцание и глухие удары.

– Река, – догадался он. – Слава богу!

Он прибавил ходу и скоро достиг берега Сицзяна, заставленного лодками и барками и освещенного большими фонарями из промасленной бумаги, висевшими на деревьях. Река, яростно катившая свои волны, ревела и стонала, разбиваясь о суденышки и поминутно сталкивая их одно с другим. Поняв, что он находится на самом конце мола, Корсан стал всматриваться в темноту и наконец заметил джонку, привязанную к столбу. Он взобрал на нее и поднял тент – джонка была пуста.

– Куда девались эти собаки гребцы? – пробормотал он гневно. – Положение, однако, хуже не придумаешь! Что теперь делать? Ничего, наберемся терпения.

Американец развалился на циновке, набил трубку, закурил и расслабился, почти позабыв о своих спутниках, дожидавшихся его в гостинице с мучительным нетерпением. Некоторое время Корсан бодрствовал, но потом, убаюканный течением, сомкнул веки и крепко заснул. Его разбудили шум и крики на берегу – видимо, китайцы-лодочники начали свой трудовой день.

– Отлично. – Американец лениво потянулся, закуривая трубку. – Город пробуждается, значит, и наши гребцы скоро проснутся.

¹⁵ Сапек – разменная денежная единица европейских колоний и протекторатов, входивших в состав Индокитайского союза и протектората Тонкин.

Солнце быстро вставало, золотя вершины гор, крыши, террасы, храмы, дома, хижины и плантации. Из-под каждого навеса и каждой циновки, покрывавшей лодки, украдкой выглядывало бронзовое лицо лодочника, наблюдавшего за погодой, в каждом окне показывались бритая и желтая, как спелая дыня, голова, расплюснутый нос и пара опущенных книзу усов. Отовсюду слышались смех, веселые восклицания, монотонные ритуальные, плеск весел, скрип блоков, визг поднимаемых флажков¹⁶. Некоторые лодочники вычерпывали воду, другие сталкивали свои суденышки в реку, тянули такелаж, поднимали парус, вытаскивали якорь. Прошло минут сорок, когда Джеймс увидел Луэ Коа – тот выходил из-за угла и раскачивался, как колокол.

– Вот он, главный разбойник, – сказал Корсан, поднявшись ему навстречу. – Ты где таскаешься, пьяница? Я тебя жду целых четыре часа.

– А! – удивился китаец. – Это вы? Я думал, вы почиваете в гостинице или сидите перед бочонком *шу-шу*¹⁷, а вы, оказывается, провели ночь на моей джонке?

– Нет, тысяча чертей! Я пришел сообщить тебе, чтобы ты готовил джонку, и повторяю, что я прождал тебя целых четыре часа.

– Я играл всю ночь с одним лаваду из Учжоу. Так мы едем?

– Еще бы! Тут все жители перебесились и не дают нам проходу.

– Понятно, – ехидно усмехнулся кормчий. – Разве мы отправимся, не запасшись провиантом?

– Вот ты и купишь его. Держи два таэля, да не забудь взять бочонок сам-шиу. Шевелись!

– Как скажете. – Китаец на лету поймал монеты и не спеша пошел выполнять приказание, почему-то громко смеясь.

– Перестань хохотать, черт тебя подери! – крикнул ему вслед Корсан. – А тебе, сэр Джеймс, надо прогуляться во вчерашний кабачок и купить джина в дорогу, – сказал он сам себе, повернув в сторону города. – Без такого напитка в этой мерзкой стране невыносимо жить!

Пройдя с полмили, он дошел до кабачка, огляделся, не следит ли кто за ним, потрогал револьвер и распахнул двери с видом победителя. Кабатчик хлопотал у стойки совершенно один. Увидев вчерашнего посетителя, он вытаращил глаза, и на его лице изобразилось сильное волнение.

– Эй, милейший, – обратился Джеймс к хозяину, – чего ты испугался?

– Ничего, – ответил китаец. – Я не испугался, а удивился твоей смелости.

– А кого мне бояться? Вот тебе таэль, дай мне десять бутылок джину.

– Десять? Таэля не хватит – мой джин дороже.

– Ты что-то сказал, собака?

– Мой джин стоит один мао за бутылку.

– Мошенник! – возмутился Корсан. – Ладно, черт с тобой, я богатый. Получишь столько денег, сколько попросишь. Неси бутылки!

Китаец почесал затылок, но не сдвинулся с места, казалось, находясь в замешательстве:

– Я... У меня нет джина. Если хотите, вот сам-шиу...

В ту же секунду кабатчик, сделав условный знак какому-то человеку, внезапно выросшему на пороге, попытался скрыться внутри помещения, но могучий янки в два прыжка настиг его.

– Ты кому сигналишь? – заревел он. – Готовишь мне западню?

¹⁶ Флажок – флажок с эмблемой установленного рисунка и определенной расцветки, присваиваемой кораблю.

¹⁷ Крепкий спиртной напиток.

Китаец замотал головой, но Корсан схватил его за шиворот и выволок из дверей. На другой стороне улицы, как раз напротив кабачка, он увидел нескольких китайцев, вооруженных мушкетами и ножами.

– Видишь, желтая твоя рожа? – тряхнул Корсан китайца за шиворот. – Скажи им, чтоб убрались, или я разmozжу тебе голову о стену.

– Я не знаю этих людей.

– Дай мне дорогу, пока добром прошу!

– Пустите меня! – завопил кабатчик. – Помогите! Арестуйте иностранца!

Корсан зарычал, как лев, схватил кабатчика за середину туловища, поднял и швырнул на мостовую с такой силой, что только крепкая голова китайца могла выдержать и не разлететься вдребезги. Отделавшись от заговорщика, американец повалил столы и стулья, устроив себе баррикаду, и спрятался за ними, в то время как тридцать-сорок вооруженных китайцев столпились перед входом, и их дикие крики и угрозы в адрес чужеземца оглашали всю улицу.

Глава IX Белые и желтые

Только теперь Корсан понял, какую страшную ошибку он совершил, отправившись за злополучным джином, вместо того чтобы бежать в гостиницу к ожидавшим его друзьям, а оттуда на джонку. Он готов был отдать полжизни, чтобы поскорее выбраться из этой западни. Мысленно он утешал себя тем, что кто-нибудь из товарищей придет ему на помощь, но пока видел перед собой только воющую мстительную толпу, потрясавшую мушкетами, пиками, топорами и палками и готовую разорвать его на куски. Особенно бесновался каким-то чудом уцелевший кабатчик, побуждая самых храбрых китайцев вломиться внутрь кабачка и разрушить баррикаду. Несколько минут вся эта свара ревела и вопила, время от времени швыряя в Корсана камни, от которых вдребезги разлетались сосуды с вином, потом, убедившись, что неприятель не показывается, шесть или семь китайцев, вооруженных пиками и мечами, приблизились к дверям. При виде их американец упал духом.

– Кончено, – прошептал он. – Я попался, как мышонок, в ловушку. Нет, сэр Джеймс, так не пойдет. Не вешать носа и побольше храбрости. Надо постараться отделаться от этих желтых рож. Смелее!

С этими словами Корсан придвинул к себе стол, вытащил два револьвера и направил дула на дверь. Семь китайцев, ободренных прибытием к месту событий еще одной вооруженной шайки, решительно вошли в кабачок и приблизились к баррикаде. Но, увидев белого великана, поднимавшегося им навстречу с нацеленными револьверами, сыны Небесной империи остановились в нерешительности, а трое или четверо из них, опасаясь, что чужеземец начнет стрелять, удрали восвояси.

– Недурно! – похвалил себя Корсан. – Эти мерзавцы трусливые, как зайцы. Не податься ли мне вперед? – Он притаился, словно тигр перед прыжком, и вдруг вскочил на лавки, крича за десятерых и направляя вперед дула револьверов. Китайцы, толкая один другого, пустились наутек. С улицы раздалось несколько залпов аркебуз, не причинивших Корсану никакого вреда. – Негодяи! – ревел он. – Погодите, вы у меня еще попляшете! – Спрятавшись за баррикаду, он прицелился в громадного китайца, заряжавшего мушкет возле дверей. – Ступай к Будде в гости! – крикнул Корсан, спуская курок.

Громила упал, испустив крик ужаса. Несколько человек бросились к нему и оттащили в сторону, пока другие палили из аркебуз. Американец снова прицелился, и вдруг его осенила блестящая мысль. «Увидим, – подумал он. – Да, конечно. Я уверен, что выйдет отлично». Он уперся в ближнюю стену, частично защищенную баррикадой, и налег на нее, почувствовав,

что стена слегка поддается. «Я спасен, – решил Джеймс. – Одним ударом плеча я высажу ее, а как только окажусь на свободе, ни одна поганая желтая рожа не осмелится меня преследовать!» Он подошел к стене так близко, как только можно, собрал все силы и начал яростно трясти ее, в результате чего она, не выдержав, треснула. Вторым ударом он выбил ее и, нимало не заботясь о потолке, который вот-вот грозил обрушиться, погребя под собой все, что было в кабачке, выскочил вон. Нельзя было терять ни минуты. Нахлобучив на глаза шапку, засунув руки за пояс, где находились револьверы и *bowie-knife*, янки бросился на первую ближайшую к нему улицу и помчался со всех ног. Он уже считал себя вне опасности, когда услышал сзади хриплый голос:

– Вот он! Лови! Держи!

Но американец даже не повернул головы, а подобрав свой кафтан, побежал еще быстрее. За ним гнались, завывая и паля из аркебуз, тридцать или сорок человек.

– Я пропал! – прошептал Корсан.

В четыре прыжка он достиг конца улицы, сбил с ног двоих китайцев, пытавшихся преградить ему путь, и бросился по другой улице, а следом – толпа солдат, лодочников, носильщиков, торговцев и городских обывателей.

– Держи! Держи! – кричали солдаты. – Бейте его! В реку чужеземца! Утопить его!

Из окон, с террас, с крыш в беглеца дождем летели горшки, черепица, камни, палки, лились помои. Несчастный янки, преследуемый со всех сторон, оглушенный криками и выстрелами, промокший от вонючих помоев, избитый камнями и черепицей, совсем изнемогал. Сделав последнее усилие, он долетел до угла очередной улицы, которую охраняли четверо лодочников, страшно горланивших и грозно потрясавших увесистыми дубинами.

– Прочь с дороги! – загремел Корсан, замахиваясь на китайцев ножом.

– Держи его! Лови! Бей! – неистовствовала разъяренная толпа.

– Подлые трусы! – вопил американец, чувствуя, как в нем клокочет ярость. – Решили убить меня, желторожие скоты? Не выйдет!

Сильным ударом он повалил на землю одного лодочника, кулаком пригвоздил к стене другого и помчался во весь опор. В затылок ему ударил камень, лицо было исцарапано куском черепицы, упавшим сверху горшком пробило шляпу, но он продолжал бежать. В конце улицы он увидел знакомое здание гостиницы. Ну все, теперь его ничто не остановит. В десять прыжков он одолел последнее расстояние и столкнулся у входа с капитаном Джорджио, Казимиром и Мин Си – в эту минуту они как раз выпроваживали из дверей хозяина и четверых его слуг.

– Джеймс!

– Капитан!

Времени на разговоры не было. Все четверо мигом вошли в дом и забаррикадировали двери мебелью из нижнего этажа.

– Тысяча чертей! – закричал Лигуза. – Что вы натворили, Джеймс?!

– Я?! – Американец отер кровь, струившуюся со лба. – Я ничего не натворил и ровным счетом ничего не понимаю. Лодочники, солдаты, горожане, крестьяне преследовали меня с целью убить, но я ничего плохого им не сделал. Я всегда говорил вам, что все китайцы каналы и разбойники!

– Вы выкинули какую-нибудь штуку! Просто так они не погнались бы за вами. Ладно, об этом после, вы видели Луэ Коа?

– Да, я сказал ему, чтобы он готовился к отъезду.

– Как же мы теперь отсюда выйдем? – спросил поляк.

– Через двери, – ответил Корсан, – но если хотите, можете через окно, а я не...

Он не договорил. Снаружи послышались крики, раздалось несколько выстрелов. Капитан бросился к окну и увидел взбешенную толпу, яростно потрясавшую оружием.

– Нас осадили, – объявил он. – Если не найдем способа сбежать отсюда, ни один из нас не доживет до утра.

– У нас есть оружие, – сказал Казимир, – и мы будем защищаться до последнего.

– Нас четверо, а китайцев сотни, – возразил американец.

– Они выбивают двери, – добавил Мин Си.

С улицы донеслись дикие вопли, две-три сотни ружей нацелились на окна, и началась осада. Град пуль посыпался на гостиницу, пробивая стекла, разнося вдребезги посуду и фонари, дырявя стены, ломая тростниковую мебель, панели и шторы. Положение становилось все хуже. Лигуза, Корсан, поляк и китаец отчаянно защищались, сея своими меткими выстрелами смерть в рядах врагов, но наши смельчаки были бессильны перед огромной остервенелой толпой. На каждый их выстрел китайцы отвечали сотней залпов из аркебуз, а двери гостиницы буквально трещали под ударами и вот-вот должны были разлететься в щепки.

– Сопротивляться бессмысленно, – сказал американец капитану, – у меня осталось всего около дюжины патронов.

– А у меня два. – Казимир показал почти пустой патронташ.

– Давайте выкинем за окно всю мебель, – предложил Джорджио. – Надо во что бы то ни стало продолжать оборону.

– Что, если нам взобраться на крышу? – оживился янки. – Оттуда мы прольем на головы желторожих зверей черепичный дождь и немного расчистим улицу.

– Так ведь дом того и гляди обрушится, – вмешался Мин Си.

– Подождите-ка. – Рискую получить пулю в лоб, капитан Лигуза подкрался к окну и бросил быстрый взгляд вдоль улицы. Несколько пуль просвистели совсем рядом, к счастью, не задев храбреца. – На крышу! – скомандовал он. – Быстрее, время дорого!

– Вы все-таки хотите закидать китайцев черепицей? – спросил Корсан.

– Нет, я хочу спасти всех вас и себя, конечно. Я заметил, что от гостиницы и дальше вдоль улицы впритык тянутся дома, и там почти безлюдно. Мы вылезем на крышу, пробежим по крышам соседних зданий, спрячемся на каком-нибудь чердаке, отсидимся и спрыгнем на улицу.

– Браво! – восхитился американец. – Вы великий полководец.

– Живее! Будьте осторожны, смотрите, куда ставите ноги. Берегитесь, чтобы не упасть: кто скатится с крыши – тот попадет, как цыпленок, на китайские пики, и все, конец. – Друзья кинулись вверх по лестнице на чердак и выбрались на крышу. – Смелее! – подбадривал капитан.

Прячась за трубами, чтобы их не могли увидеть солдаты, стоявшие на балконах, террасах и мелькавшие в окнах противоположных зданий, четверо отважных начали опасный переход по крышам. Поддерживая друг друга и выполняя все команды капитана, они осторожно ступали по черепице, стараясь не слишком сильно давить на нее ногами. Приходилось огибать террасы, пролезать через слуховые окна, цепляться за шпильки, за флагштоки и выступы, которых наверху оказалось великое множество.

– О! – стонал Корсан, еле удерживая равновесие, пот катился с него градом и заливал глаза. – Господи, кто бы мог подумать, что настанет день, когда я, словно бандит, буду лазить по крышам, да еще по китайским, и спасаться бегством от желторожих дьяволов? Я, богатый и уважаемый гражданин свободной Америки, должен прятаться, как вор! Ах, если бы у меня была пушка! Я бы расстрелял всех негодяев подчистую, превратил их в пушечное мясо!

Корсан вопил, возмущался и надувал щеки так смешно, что, несмотря на критическое положение, товарищи не могли удержаться, чтобы не подшутить над ним, а весельчак Казимир так и вовсе поддразнивал разбушевавшегося янки. Через полчаса, когда силы у всех были уже на исходе, наши герои очутились на крыше одного высокого здания и, осмотрев-

шись, заметили, что этот угловой дом замыкает квартал, а шагах в пятистах отсюда уже виднелся Сицзян. Капитан взглянул вниз.

– Нельзя отсюда прыгнуть, – сказал он. – Здесь около шестидесяти пяти футов.

– Вон там слуховое окно! – указал Казимир. – Оно наверняка ведет в чье-нибудь жилище. Войдемте, господин капитан?

– Замечательно! – крикнул американец. – Вынимаем ножи и вперед!

Друзья проскользнули через окно и очутились на пустынном чердаке, ударом плеча они высадили дверь в комнату и увидели какую-то старуху, похожую на колдунью. Капитан подскочил к женщине, которая начала было кричать:

– Тише! Мы не причиним тебе зла!

Джорджио провел ее в чуланчик, запер на замок и вместе со своими спутниками спустился на улицу. Поблизости было пустынно и тихо, но в районе гостиницы еще слышались выстрелы. Беглецы бросились вперед, ежеминутно рискуя сломать себе шею, и подбежали к реке в ту минуту, когда Луэ Коа и его гребцы, вооружившись палками, собирались идти к месту побоища.

– Скорее к джонке! – приказал капитан.

– Что там случилось? – спросил кормчий.

– В городе восстание. Солдаты и горожане режут друг друга, и надо быстрее убираться отсюда.

Трусливым китайцам этого оказалось достаточно, и они поспешили обратно к реке.

Глава X Вероломство Луэ Коа

Каждая минута могла стоить жизни, и четверо путешественников, не оборачиваясь и не зная, преследуют их или нет, одним махом перерезали привязь и влетели на джонку. Гребцы, поверившие в то, что в городе действительно мятеж, из страха быть арестованными, если присоединятся к повстанцам, поспешно схватили весла и стали грести с неистовой силой. Быстро надвигалась ночь. Далеко позади еще слышались залпы мушкетов, а в том направлении, где находилась гостиница, виднелись широкие огненные всполохи, которые то поднимались, то опускались, извиваясь, как разъяренные змеи, а над ними стояло густое черное облако и вздымался высоченный столб искр, разносимых ветром в разные стороны. Капитан Джорджио Лигуза, Джеймс Корсан, Казимир и Мин Си, еще не успевшие отдышаться после бега, с замиранием сердца глядели на пламя, которое, разгораясь все больше и больше, освещало все вокруг зловещим светом.

– Горит гостиница, – сказал американец.

– Вижу, – ответил Джорджио.

– Что, если бы они подожгли ее часом раньше?

– Ни один из нас не был бы сейчас здесь. Бедный хозяин! Ведь он разорен, – заметил Казимир.

– Эй, негодный мальчишка, ты еще жалеешь эту каналью?

– Немного, сэр Джеймс.

– Совершенно зря. Я всадил ему пулю в лоб, и теперь он болтает и играет в шашки с мессиром Вельзевулом или с его кузеном Буддой. Китайцам не нужна наша жалость – они нас ненавидят.

– Я их больше не боюсь.

– И напрасно, – отозвался капитан. – Завтра они не найдут наших костей под развалинами дома и снова начнут преследовать нас.

– До завтра мы успеем отплыть так далеко, что эти желторожие потеряют всякую надежду нас догнать, – заверил Корсан.

– Возможно, если только наши гребцы будут работать так же отчаянно, как сейчас, – ответил капитан, – но, по-моему, они догадались, что восстание вспыхнуло по нашей вине.

– Ну и что? – усмехнулся американец.

– А то, что я не удивлюсь, если они откажутся плыть дальше.

– Мы их заставим.

– Осторожнее, Джеймс! Луэ Коа способен сыграть с нами злую шутку.

– Как это?

– Тише, ради бога! Вдруг в кустах вдоль берегов сидят китайцы?

Корсан замолчал и стал смотреть на берега, покрытые густым тростником, в зарослях которого вполне могли скрываться люди. Капитан все еще глядел на горящее здание, но пожар быстро ослабевал. В полночь джонка, до этого стремительно продвигавшаяся вперед, достигла какой-то неподвижной черной массы на середине реки и встала. На безлюдном лесистом островке поставили палатку для ночлега. Но глубокой ночью Луэ Коа и его гребцы бежали, пользуясь непроглядным мраком и тем, что все иностранцы крепко спали. Китайцы решили, что дальше не поплывут из страха быть узванными и арестованными за пособничество чужеземным мятежникам. Гребцы вместе с лаваду потихоньку сели на джонку и устремились вниз по реке, вероятно, назад в Чжаоцин. Китайцам не было никакого дела до того, в каком страшном положении они бросают путешественников, – на уединенном острове среди бурной реки, без провианта и без лодки, то есть без всякой возможности хотя бы пристать к берегу. О каком священном мече Будды можно было говорить, когда всем отважным смельчакам теперь, еще в самом начале экспедиции, грозила голодная смерть! Корсан, проснувшийся первым, разбудил товарищей неистовым воплем:

– Канальи! Исчезли! Как? Меня, почтенного гражданина свободной Америки, чистокровного янки, одурачили какие-то поганые китайцы?! Это неслыханно! – Он метался взад-вперед по островку, как помешанный, и рвал на себе волосы, сыпля угрозами и ругательствами, от которых мороз продирает по коже. – Каторжник Луэ Коа! – орал он, заламывая руки от ярости. – Пиратская желтая рожа! Обманул нас, предатель! Попадись только он мне в руки, я сверну ему шею, как цыпленку, изрублю, истолку в порошок, изжарю живьем! Украсть у меня шу-шу! Гадина, разбойник, вор...

– Ладно, Джеймс, пора уняться, – сказал капитан. – Толку-то от вашего шума?

– Уняться? Мне? Вам что, все равно, что нас обвели вокруг пальца эти мошенники, бритые головы? Они оскорбили меня, американца, понимаете?

– А разве они точно так же не оскорбили и меня, итальянца? – усмехнулся капитан Джорджио.

– И меня, поляка? – добавил Казимир.

– У нас нет ничего, даже одного глотка водки на четверых! Как мы теперь выживем?

– Найдем и водку, и провизию, – заверил Джорджио. – По-моему, незачем горевать о том, что мы избавились от этих негодяев в самом начале. Было бы куда хуже, если бы они в конце концов нас убили.

– Тут вы правы, капитан, – смягчился Корсан. – Я со своим телосложением и силой, конечно, никогда не боялся этих скотов, но, по правде говоря, они ужасно надоедали мне своими ворчаниями и вечным недовольством. Только я не представляю себе, как мы будем продолжать путешествие без лодки и лошадей.

– А ноги на что, сэр Джеймс? – улыбнулся Казимир. – Надеюсь, американцы любят ходить пешком.

– Еще бы! Мы ходим так же быстро, как поезда по железной дороге, ведь мы тоже железные.

– Тогда все пойдет прекрасно.
– А провиант? – спросил Мин Си.
– Об этом я позабочусь, – сказал Корсан. – Завтра пройду по лесам и болотам и выгоню слонов, бегемотов, тапиров из их логовищ.
– Где же вы видите болота? – перебил капитан.
– И где леса? – подхватил Казимир. – Ваши владения, сэр Джеймс, не имеют сейчас даже семисот футов в диаметре. Поставьте крест на слонах, бегемотах и тапирах.
Американец с минуту молчал, словно пораженный, но потом его осенила новая мысль:
– Мы найдем фазанов, гусей и уток. Вот увидишь, Казимир, какое побоище мы им устроим. Ни одна птица не ускользнет от меня, уверяю тебя. Самое трудное будет покинуть наши владения.
– Об этом подумаем завтра, – произнес Мин Си. – Утро вечера мудренее, и давайте еще поспим.
– Ну что ж, наш канонир прав. Я всегда говорил: чем меньше голова, тем умнее в ней мозги. А можем мы уснуть без боязни, что завтра не проснемся без голов?
– Не бойтесь, сэр Джеймс, – засмеялся Казимир. – Я посторожу.
– Тогда отлично. Спокойной ночи, мальчик.
Корсан, капитан и Мин Си улеглись в палатке, а Казимир сел на траву, положил ружье на колени и устремил взгляд в сторону берега.

Глава XI

Переправа через Сицзян

До конца ночи все было спокойно. Тишина нарушалась разве что ревом диких зверей, пользуясь темнотой, приходивших на берег Сицзяна утолять жажду.
– Не вернулись эти негодяи? – спросил поутру американец, едва выбравшись из палатки.
– Нет, сэр Джеймс, – ответил Казимир. – Да и зачем им возвращаться? Они летят теперь к Чжаоцину на всех парах, поедая наш провиант и запивая его нашей водкой.
– У нас вообще нечего положить в рот?
– Даже ни крошки сухарей.
В эту минуту капитан и Мин Си вышли из палатки, где, по-видимому, о чем-то совещались, и Джорджио объявил:
– Мы покидаем остров.
– Как жаль оставлять этот райский уголок! – воскликнул американец. – А когда мы доберемся до того берега, то куда пойдем дальше?
– Прямо до самого Юаньяна.
– Разве мы не отправимся в какой-нибудь город купить лошадей?
– Это опасно, Джеймс. Ведь мы иностранцы, а вы уже по собственному опыту знаете, что значит быть чужеземцем в этой дьявольской стране.
– Да, Чжаоцин мне на многое раскрыл глаза.
– Почему, капитан, китайцы так боятся иностранцев? – спросил Казимир.
– Так всегда было, – ответил Джорджио. – Они опасаются, что иностранцы, принеся с собой новую религию, обычаи и одежду, всколыхнут страну, устроят в ней беспорядки, а то и настоящую революцию. Китайское правительство чувствует себя неуверенно и делает все возможное, чтобы удержать государство от распада.
– Странно, – заметил американец, – эти самые иностранцы, если бы им позволили, научили бы китайцев новым производствам, дали толчок торговле, расширили внешние связи и улучшили условия жизни китайцев.

– Совершенно верно, Джеймс, но китайцы считают торговлю с иностранцами неблагоприятной для себя. Она и в самом деле лишает их громадного количества шелка, чая, фарфора и многих других товаров, которые, оставаясь внутри империи, стоили бы гораздо дешевле, чем теперь.

– Так в обмен они получают европейские и американские товары, которых у них нет?

– Они утверждают, что эти товары не нужны китайцам, что те жили без них целые тысячелетия.

– Но ведь от торговли страна богатеет?

– Богатеют коммерсанты, Джеймс, а народ умирает с голоду.

– Позвольте мне в этом усомниться, капитан.

– Нет, вот послушайте. Одно время в Китае существовали тысячи прядилен, которые обеспечивали заработок миллионам рабочих, но явились европейцы, привезли свои хлопчатобумажные товары – и все местные фабрики закрылись.

– Почему?

– Потому что китайские изделия стоили вдвое дороже европейских. Завтра европейцы найдут способ точно так же конкурировать в торговле шелком, бумагой и мало ли чем. Как следствие, еще масса фабрик, дающих теперь средства к существованию нескольким миллионам людей, закроется, и нищета возрастет. Согласны?

– Знаете, Джорджио, китайцы неплохо рассуждают. А скольких миллионов в год достигает их торговля с Европой?

– До 1842 года, как пишут ученые, она достигала двадцати четырех или двадцати шести миллионов и велась исключительно Ост-Индской компанией, которая ежегодно отправляла в Китай четыре больших корабля и около двадцати поменьше. Франция посылала туда два корабля и ввозила товаров на два-три миллиона, Голландия – на четыре, Португалия – так же, ну и немного Америка. В настоящее время несколько тысяч кораблей ежегодно посещают китайские порты, потому что все крупные государства мира ведут торговлю с Китаем. Впрочем, хватит статистики, Джеймс, пора рубить деревья – нам надо строить плот.

– Если мы соорудим плот, то вырубим весь лесок, – вздохнул американец.

– Ничего страшного, в леске еще много уточек, и Казимир будет охотиться за ними, пока мы работаем, ведь мы вернемся голодные как волки.

– Обещаю вам великолепное жаркое, – объявил поляк.

– Смотри не слишком пережаривай, – предупредил Корсан. – Если испортишь, отдеру тебя за уши.

– Все будет, как в лучшем ресторане, сэр Джеймс.

Казимир и Мин Си взяли ружья и отправились на охоту, а капитан с Корсаном углубились в лесок из четырех тутовых деревьев, пятнадцати кустарников и двадцати четырех бамбуков, толстых и высоких. Меньше чем через час деревья были срублены, а еще через несколько часов сооружен довольно крепкий плот, способный удержать человек пять-шесть.

– Теперь поедим, – сказал капитан, когда работа была окончена, – а потом поплывем.

– Охотники и кораблестроители, все к столу! – закричал Казимир.

В четыре прыжка американец долетел до палатки и с наслаждением принялся. Повар поистине сотворил чудо. Две утки и с полдюжины птичек-перцецов *чиуе-уен*, особенно рекомендованных Мин Си, дожаривались на палках, и что-то булькало в горшочке, распространяя особенное благоухание.

– Ого, мальчик! – воскликнул Корсан. – Кроме жаркого ты состряпал еще одно блюдо?

– Конечно, сэр Джеймс. Канонир Мин Си, обозревая наши владения, нашел нечто, похожее на капусту.

– О, – облизнулся американец, – я обожаю ее. Садитесь быстрее, господа, иначе я один съем все кушанье в этом горшочке.

Все расселись недалеко от палатки и с аппетитом стали есть овощ, по вкусу напоминавший капусту, которую китайцы называют *пенпан*. Американец остался очень доволен первым блюдом и попросил жаркое. Казимир протянул ему кусок утки.

– Нет, погоди, я хочу попробовать вон ту деликатесную птицу. – Корсан указал на перцеда. – Что это за порода? – Он положил в рот маленький кусочек. – У нее какой-то особенный вкус...

– Да, клянусь пушкой, – сказал поляк, откусывая дичь. – Я тоже никогда не пробовал ничего подобного. Мин Си, что это за мясо?

– Перцеда, лакомство, – негромко буркнул китаец в свои длинные опущенные книзу усы.

Американец проглотил кусочек и вдруг отшвырнул от себя птицу и стал так кашлять и плевать, будто только что выпил чашку яда.

– Проклятье! – завопил он в ужасе. – Она пропитана какой-то гадостью! Выплюнь, Казимир, скорее!

– Ох, – застонал поляк, вскакивая и хватаясь за горло. – Я сейчас умру. Помогите, капитан! Каналья канонир отравил двоих джентльменов!

Но Лигуза, глядя на корчи товарищей, только покатывался со смеху.

– Мы отравились! – вопил янки. – Что тут смешного?

– Друзья мои, – сказал капитан Джорджио, у которого от смеха даже выступили слезы на глаза, – вы попробовали перцеда, да еще с приправой. Разве вы не знаете, что эти птицы питаются перцем?

– Перцем? В этой проклятой стране птицы питаются перцем? Лучше бы они пили виски! Эй, Казимир, не бойся, мы не умрем. Это всего лишь перец.

– Но у меня все горло горит.

– Затуши огонь уткой! Ну же, хватит!

Джентльмены с жадностью напали на уток, и минут через десять от них остались одни кости. Жаркое обильно запили жемчужной водой Сицзяна, которая окончательно уничтожила огненный вкус перцеда.

В четыре часа капитан дал команду переправляться. Путешественники забрались на плот, взяв с собой оружие, палатку и провизию, добытую на охоте. Казимир встал у руля, остальные трое с длинными шестами поместились в носовой части. Плот, отойдя от берега, с минуту поскрипел, раскачиваясь на одном месте, а потом поплыл по реке с быстротой семивесельной шлюпки. Гребцам в носовой части вскоре удалось, упираясь шестами в дно реки, придать плоту боковое направление, но он удерживал такое положение лишь несколько минут. Подгоняемый течением, заливавшим борта, плот попал в водоворот и так бешено завертелся, что стал разламываться. Казимир, едва держась на ногах, изо всех сил старался ударами шеста придать плоту нужное равновесие, но был сбит с ног течением. В одно мгновение руль и шесты были вырваны у гребцов из рук.

– Проклятье! – закричал Казимир.

Плот, сделавшийся добычей водоворотов, которых так много на середине реки Сицзян, кружился с такой страшной скоростью, что гребцы думали, будто попали в ужасный норвежский Мальстрём. Плот то выбивался из водоворота и летел к востоку с быстротой стрелы, то мгновенно останавливался, оказавшись во власти новых пучин, угрожающе ревевших вокруг. Будучи не в состоянии прекратить этот беспорядочный бег, четверо путешественников сгрудились в центре плота; опасаясь разбиться на песчаных отмелях, деливших яростное течение реки на многие каналы, друзья навьючили на себя все свое имущество. Внезапно они увидели, что у них из-под ног выпячивается тростник и царапает дно плота, точно твердая земля.

– Глядите в оба! – велел капитан.

В ту же секунду плот налетел на песчаный островок, с силой ударился о него, подпрыгнул над водой, и большая его часть разлетелась в щепки. Затем, дробясь на обломки о новые отмели, жалкие остатки плота с едва державшимися на них пассажирами помчались вниз по течению. Нельзя было терять ни минуты. Джорджио, Корсан, Казимир и Мин Си вытащили из обломков плота несколько толстых бревен и, работая шестью, как веслами, постарались направить плот к берегу, что наконец удалось им после длительных усилий.

Глава XII

Ужасная ночь

Место, где они выбрались на берег, было очень красивым и совершенно безлюдным. Прямо перед ними расстился великолепный, заросший высокой травой луг с разбросанными по нему прудами, над которыми летало бесчисленное множество водоплавающих птиц; к югу луг окаймлялся густым кустарником, вползавшим наверх по склонам невысоких гор.

– Прелестно, – сказал Корсан, обводя взглядом окрестности, – но я не вижу ни домов, ни возделанных полей.

– Разве они вам нужны? – спросил Казимир.

– Нет, но я рассчитывал как следует поужинать.

– Здесь есть птицы.

– Опять птицы!

– Может, нам удастся раздобыть и котлеты, – добавил Мин Си.

– О! Где ты их найдешь? – Корсан даже причмокнул от предвкушаемого удовольствия.

– Смотрите вон туда, куда я показываю: видите, что-то движется в траве?

Корсан, Джорджио и Казимир пристально взглянули в указанном направлении и заметили странное животное, напоминавшее свинью, только гораздо больше по размерам. Сходство усиливалось тем, что животное, как настоящая свинья, взрывало землю чем-то вроде хоботка.

– Это тапир, – пояснил капитан.

– Мясо! – воскликнул американец. – Скорее возьмем ружья и постараемся его заполучить.

– Не шумите, иначе тапир убежит в лес. Он очень пуглив, и к нему трудно подойти близко. Ты, Казимир, оставайся здесь с Мин Си, а мы с Джеймсом пойдем туда.

Капитан Джорджио и Джеймс Корсан, не производя ни малейшего шума, прячась за кусты и высокую траву, направились вперед. Шаг за шагом с соблюдением всех предосторожностей они приблизились футов на шестьсот к тапиру, который, скрываясь в тростнике, продолжал рыть землю и хрюкать, как свинья. Здесь охотники остановились и зарядили карабины, но животное почуяло их, повернулось вполоборота, шевельнуло хоботком и пустилось галопом по тропинке, протоптанной людьми. Корсан поспешно разрядил карабин, но тапир ускорил бег и увильнул из-под пуль.

– Разбойник! – подсадовал американец. – Как ни бегай, я все равно тебя достану, хотя бы мне пришлось для этого исходить весь лес. Тапир походит на большого кабана, да, Джорджио?

– Так он и есть кабан, только крупнее и толще. Что дальше вы намерены делать, храбрый охотник?

– Как что? Вот тропинка, протоптанная зверем, и по ней удобнее всего добраться до его логовища.

– Вы хотите искружить весь лес? Логовище тапира наверняка далеко отсюда.

– Все равно я его разыщу. Вы со мной пойдете?

– Нет, я буду ждать вас к ужину. Рассчитываю на полдюжины котлет из тапира.

– Обеспечу, – пообещал американец.

Охотники расстались. Джорджио повернул назад, тщательно осматривая берега луговых прудов, поросшие тростником, в надежде убить нескольких уток. Корсан, держа карабин под мышкой, метнулся вдогонку за тапиром. Он бежал очень долго, и казалось, что тропинке не будет конца. Раз десять он замирал на месте, думая, что видит тапира, несколько раз сворачивал с тропинки, чтобы оглядеть окрестности. Наконец часа через два он остановился уставший, поняв, что сбился с дороги и идет уже по какой-то незнакомой тропе.

– Клянусь Бахусом! – воскликнул Джеймс. – Я заблудился! Где я? Где та чертова тропинка? Ладно, храбрые янки всегда найдут выход!

Солнце быстро клонилось к горизонту, постепенно исчезая за высоким кустарником. Сгустились сумерки. Корсан понимал, что еще полчаса – и в лесу будет темнее, чем в жерле пушки; он знал, что ночью крайне трудно ориентироваться на незнакомой местности, поэтому ускорил шаги. Около получаса он плутал в неизвестном направлении: то шел вперед, то по временам возвращался назад, вновь осматривая купы деревьев, то поворачивал вправо и влево, то нагибался и шарил в траве, а потом стал влезать на самые высокие деревья, пытаясь разглядеть знакомую тропинку или дымок своего лагеря, но все напрасно. Стемнело, взошла луна, а он все шел, не зная куда. Боясь окончательно потеряться в густом кустарнике, Корсан решил улечься под небольшим тамарином и дожждаться рассвета.

Едва он растянулся на земле, как шагах в трехстах от себя услышал глухое мяуканье – одно из тех, что характерно для тигров и походит на рев. Корсан сразу догадался, кто его ночной гость, поспешно вскочил и встал у дерева, едва сдерживая дыхание. Страшное мяуканье повторилось уже гораздо отчетливее. Американец был храбрым, что и говорить, но когда тигриный рев раздался под сводами деревьев, задрожал, как в лихорадке. Бежать? Нет, не годится: из боязни еще больше заблудиться или столкнуться с другими хищниками Корсан не шелохнулся и так и стоял, замерев, прислонившись спиной к стволу тамаринда, с карабином в руках и ножом в зубах. Мяуканье раздалось в третий раз еще сильнее, грознее и ближе.

– Боже, – прошептал Корсан. – Зверь меня учуял, теперь придется с ним сразиться.

В ту же минуту послышался треск ветвей под железными когтями, кусты раздвинулись, и два кошачьих глаза, словно лучи фонаря, устремились на тамаринд. Дрожащими руками Корсан поднял карабин, прицелился – зверь находился всего в сотне шагов – и выстрелил. Тигр сделал гигантский прыжок в сторону, а затем ринулся прямо туда, откуда стреляли. Наступила страшная минута. Корсан, поняв, что ему вот-вот придет конец, не помня себя, схватился за ближайшую ветку тамаринда и одним прыжком очутился на дереве. Тигр, только раздраженный ранением, тоже попытался прыгнуть на дерево, отдирая когтями большие куски коры, но, не удержавшись, свалился в траву. Он повторил попытку, но и на этот раз не смог достать до ветвей. Зверь обошел раза три-четыре вокруг тамаринда, заливая рану на шее, откуда текла кровь, после чего, грозно ревя и скрежеща зубами, удалился на несколько футов, не отрывая глаз от спрятавшейся в ветвях фигуры, боявшейся пошевелиться. Бесстрашный американец на этот раз ощутил дикий страх: все его тело дрожало, волосы шевелились под шляпой.

Минут пять тигр просидел в траве, потом вдруг вскочил, разметывая ее длинным хвостом и выпуская глухое рычание. Казалось, он готовился к новому нападению – может быть, к одному из тех могучих прыжков с разбега, которые сшибают с ног любую его жертву, даже большое сильное животное. Туловище зверя то вытягивалось, то сжималось, он мяукал, рычал, скаля зубы и выпуская когти, а затем весь как будто подобрался, действительно готовясь к прыжку. Бледный как мертвец Корсан, решивший дорого отдать свою жизнь, быстро вложил заряд в дуло карабина, но только сейчас с ужасом увидел, что при нем нет пистон-

ницы, – видно, он обронил ее, когда лез на тамаринд. Он обшарил все карманы в подкладке и поясе – напрасно. Теперь надежды на спасение почти не осталось.

– Кончено, – всхлипнул он. – Через десять минут тигр сожрет меня. Оказаться в утробе этого чудовища! Боже, помоги! Если бы капитан и Казимир сейчас оказались здесь, они спасли бы меня. Добрый Джорджио, я тебя больше не увижу!

Взяв себя в руки и решив не предаваться отчаянию, Корсан собрал весь свой запас храбрости, покрепче уселся на ветвях и, бросив карабин, теперь совершенно бесполезный, вынул *bowie-knife*. Но все приготовления оказались излишними, так как тигр, по-видимому, передумавший нападать, еще несколько раз обошел дерево и, яростно мяукая, исчез в зарослях. Он уже удалился на приличное расстояние и потерялся во мраке ночи, как вдруг новое мяуканье разбудило глубокую ночную тишину леса – оно доносилось откуда-то с противоположной стороны; второй зверь находился, очевидно, не менее чем в тысяче футов от этого места. Услышав мяуканье сородича, а может быть, соперника, первый тигр внезапно остановился, разом обернулся и вновь гигантскими пятифутовыми прыжками устремился к тамаринду. Пулей пролетел он через кустарник, глаза его метали пламя, пасть была оскалена, когти выпущены, а подпрыгивал он так, будто вся земля покрылась тысячами пружин необычайной силы.

Собрав волю в кулак, Корсан напрягся, сжал нож в руке, и в ту же секунду тигр в отчаянном прыжке бросился на тамаринд, ломая нижние ветви. Дерево содрогнулось от страшного толчка, американца подбросило, и, потеряв опору, он полетел прямо на зверя, по рукоятку всаживая ему в грудь нож. Раненый хищник дико заревел, выпустил ветки и вцепился в ноги Корсана, сдирая с них кожу. Человек и зверь тесно переплелись и рухнули с дерева на кусты и траву.

Началась смертельная борьба. Корсан очутился снизу и изо всех сил ударял тигра ножом, а зверь, бешено ревя, разрывал в клочья одежду вместе с мясом и старался стиснуть череп охотника своими могучими челюстями. Прошло секунд двадцать, как вдруг хищник испустил последний яростный рев: нож вонзился ему в сердце, из широкой раны хлынул поток теплой крови. Тигр захрипел, втянул когти и повалился набок, кусая в последнем припадке злобы ветви, траву и землю.

Корсан остался лежать в кустарнике, весь в крови, в разодранной в клочья одежде и с истерзанным телом. Находясь в состоянии шока, он пока не чувствовал боли, а только глядел помутившимся взором на конвульсии зверя и прислушивался к его последним хрипам. Когда тигр затих, несчастный янки попробовал пошевелиться и сразу же закричал: каждое движение пронизывало тело нестерпимой болью. Корсан с трудом дополз до тамаринда, где раньше бросил карабин, там же валялись походная фляжка и коробка с пистонами. Вцепившись в траву, американец попытался привстать, но, заорав от страшной боли, рухнул обратно.

– Клянусь пушкой, – прошептал он, – я сильно помят.

Какое-то время он пролежал возле дерева почти без сознания и все время громко стонал, потом, вроде бы, очнувшись, дотронулся до своих ног и тут же отдернул руки, покрытые кровью, дотронулся до плеч и почувствовал, что они мокрые, – он весь плавал в крови. С невероятным трудом прислонившись к стволу тамаринда, он взглянул на свои ноги: они были разодраны до костей, кровь струилась по ним и стекала на траву. «Нужно быстрее остановить кровотечение, иначе смерть», – ударила в мозг лихорадочная мысль. Желание выжить удвоило силы Корсана, преодолевая боль, он снял с себя лохмотья и, намочив их из походной фляжки, как мог, забинтовал раны на ногах. Затем, насколько смог, забинтовал руки, все истерзанные когтями животного. Он не помнил, как, обессилив, снова ничком упал в траву. Силы покидали его, и побороть чудовищную слабость ему не удавалось. А силы были нужны: где-то вдали продолжал реветь второй тигр и того и гляди мог пожаловать сюда.

– Я умираю, – пошевелил обескровленными губами бедняга.

Взор его затуманился, деревья закружились в хороводе, земля поплыла из-под ног. Он закрыл глаза и, больше ничего не соображая и не помня, уткнулся головой в траву возле ствола тамаринда.

Когда он пришел в себя, была еще ночь, и впереди невдалеке, глухо рыча, показался второй тигр. Нечеловеческим усилием Корсан дотянулся до карабина.

– Второе отделение драмы, – прошептал он, сиюсь улыбнуться. – Китайские тигры такие же каналы, как и китайцы.

Тигр все приближался, шурша кустарником, то демонстрируя в лунном свете свою красивую полосатую шкуру, то прячась в тени высоких деревьев. Его суженные зрачки были устремлены на тамаринд. Зверь остановился шагах в сорока от охотника, потянул воздух, помахивая хвостом, как рассерженная кошка, сел на задние лапы и впился страшным взглядом в человека, который, стоя на коленях, в это время прицеливался в него дрожащими руками.

Второй выстрел из карабина раздался в лесу. Тигр подпрыгнул в воздухе и рухнул на землю бездыханный. Пуля угодила ему прямо в глаз.

Глава XIII Миао-цзи

Капитан вернулся в лагерь только к заходу солнца и принес много птиц: с полдюжины водяных невольников, нескольких уток и дюжину дроздов. Мин Си наловил в прудах довольно крупных раков, которые, по его мнению, на вкус должны были оказаться не хуже тех, что подают в Макао. Одним словом, все обещало вкусный и сытный ужин.

Казимир, разжигавший костер, удивился, увидев капитана без своей Тени:

– А сэр Джеймс где? Тащит целого слона?

– Нет, – засмеялся Джорджио, – он бежит наперегонки с тапиром, которого будто бы ранил.

– Ого! Значит, нас скоро ожидают котлеты? Коли так, то можем немного повременить с ужином.

– Если будем ждать котлет из тапира, то останемся голодными. Вот увидишь, Джеймс вернется поздно и без добычи.

– Тогда ладно, продолжу разводить огонь.

Расторопный юноша с помощью Мин Си быстро разжег большущий костер и принялся жарить дичь в таком количестве, что насытились бы человек пятнадцать. Тут же рядом на огне закипал горшочек, доверху набитый раками. Часа через два еда была готова, но американец так и не пришел. За ужином говорили только о том, куда мог подеваться сэр Джеймс. Ночь прошла в тревоге – Корсана все не было, а когда он не появился и на заре, капитан вместе с Казимиром, поручив палатку Мин Си, отправились в лес искать товарища – живого или мертвого.

Солнце уже начало проливать красноватый свет и указывало дорогу путешественникам, которым теперь не нужно было пригибаться, чтобы различить следы. Джорджио и Казимир более получаса двигались по тропинке, протоптанной тапиром, время от времени оглашая лес криками, но откликались лишь дикие звери, спешившие укрыться в своих логовищах. Вдруг громкий выстрел прокатился под зелеными сводами леса.

– Карабин Джеймса! – воскликнул капитан.

– Да, – ответил Казимир, – я распознаю звук его оружия среди тысячи других.

Прозвучал второй выстрел, разбудив раскатами еще дремавшее лесное эхо. Третий, последний, выстрел раздался всего в полумиле от искателей.

– Скорее! – закричал капитан. – Третий выстрел! Значит, Джеймс жив, мы поможем ему.

Они помчались к тому месту, откуда донеслись выстрелы, летя, как ветер, перескакивая рвы и ручейки, сбегая то вниз, то вверх по холмам, продираясь через кустарник, несмотря на иглы и колючки ветвей, рвавшие одежду и кожу на руках. Надежда спасти товарища окрыляла их. Внезапно оба услышали громкие стоны.

– Это сэр Джеймс, – сказал Казимир.

В два прыжка они перепрыгнули через небольшую речку и выскочили на поляну, посреди которой под кустарником весь в крови, страшно изуродованный, в рваной одежде лежал Корсан и тяжело стонал. Капитан бросился к нему и прижал к груди.

– Джеймс! Друг! Что такое? Боже! Вы весь в крови!

Американец вцепился в капитана.

– Джорджио... Казимир... Друзья... – бормотал он. – Проклятый тигр! У меня нет сил, я умру.

– Мы вам этого не позволим! Но что случилось? Кто вас так? Отвечайте, ради бога, что стряслось?!

– Тигры, Джорджио, на меня напали тигры, – успел прошептать бедняга и уткнулся в траву, потеряв сознание.

Капитан и Казимир быстро нарубили ветвей, устроили носилки, настелили на них листьев, осторожно уложили бедного охотника и направились в лагерь. Дорогой им пришлось много раз останавливаться, чтобы утолить жажду раненого, у которого открылась сильнейшая лихорадка. Спустя несколько минут Корсан пришел в себя и, несмотря на то, что капитан запретил ему говорить, в нескольких словах рассказал о ночном происшествии; хотя сил у него почти не осталось, он разразился страшной руганью и угрозами в адрес тигров:

– Если я выздоровею, горе тиграм. Я буду убивать их без пощады, пожирать и толстеть от их мяса.

Около восьми утра путешественники добрались до лагеря. Мин Си в одно мгновение приготовил из одеял мягкое ложе, велел уложить туда пострадавшего, раздел его и с видом опытного врача внимательно осмотрел его раны.

– Ну? – спросил Корсан, пристально глядя в маленькие глазки китайца, словно для того, чтобы прочесть его мысли. – Как ты думаешь, я выживу?

– Вы легко отделались, – ответил Мин Си, дотрагиваясь до ран кончиком указательного пальца. – Но некоторое время придется лежать неподвижно.

– Вообще не шевелиться? И как долго? Говори сразу!

– Дней восемь самое малое.

– Что? – рассердился американец. – Валяться восемь дней? Ты принимаешь меня за бабу, китайский доктор?

– Какой нетерпеливый пациент! – засмеялся китаец. – Ворчит всего из-за восьми или десяти дней постельного режима.

Через четыре дня, седьмого июля, Джеймс Корсан был уже вне всякой опасности, девятого числа ему разрешили встать и выйти из палатки подышать свежим воздухом. Он сел на траву и громко произнес «О!», точно не веря, что наконец-то покинул свою темницу.

– Свобода, воздух, свет! – радовался янки. – Какое страшное мучение, друзья мои, быть приговоренным задыхаться в палатке! Еще день, и я умер бы не от ран, а от недостатка воздуха. – Больной бросил жадный взгляд на костер, где на угольях жарилась, распространяя аппетитный запах, целая дюжина котлет, и приподнялся, чтобы рассмотреть лакомое блюдо, но силы изменили ему, и несчастный, застонав от боли, прислонился к одному из кольев палатки. – Я точно пьяный, хотя не брал в рот ни капли виски.

– Давайте я помогу вам привстать, – протянул руку капитан.

– Нет! – загремел американец. – Разве вы, Джорджио, принимаете меня за бабу, что предлагаете мне руку? Я слаб, сознаюсь, но в этом не моя вина, а ваша. Вы посадили меня на такую диету, которая истощила бы даже Геркулеса. Подождите, вот только попадут мне на зубок вон те котлеты, что так вкусно там жарятся, и я опять стану силен, как бык.

Все уселись перед котлетами, которые уютно шипели на блюде из листьев, издавая такой аромат, что щекотало в ноздрях. Американец начал работать челюстями со столь угрожающей быстротой, что, казалось, его желудок не имел дна. Если бы не слабость после болезни, он наверняка проглотил бы штук десять котлет.

После ужина путешественники забрались в палатку, рассчитывая хорошо выспаться и рано утром продолжить поход. Первым выпало дежурить Казимиру, который улегся недалеко от костра прямо под открытым небом, чутко прислушиваясь к малейшему подозрительному шуму. Около одиннадцати часов вечера его внимание привлек отдаленный топот. Приподнявшись, он различил на голубоватом фоне горизонта какую-то темную массу, ему показалось, что он видит очертания необычного и очень крупного зверя.

– Что за животное? – удивился он. – Неужели слон или бегемот?

Казимир хотел подать сигнал тревоги, но ему стало неловко будить товарищей, быть может, из-за пустяка, и юноша спрятался в траве с заряженным карабином. Темная масса росла прямо на глазах, приближаясь с большой скоростью и время от времени издавая свист, похожий на удар кнута. Казимир вскочил, едва не закричав: теперь он отчетливо различил впереди лошадь и всадника, вооруженного длинной аркебузой. Приняв с перепуга всадника за миао-цзи¹⁸, Казимир поднял карабин и прицелился, но бандит был настороже – он моментально вскинул аркебузу и выстрелил. Пуля просвистела прямо над головой Казимира, и он истошно завопил, словно его ранило:

– К оружию! Бандиты!

Все трое его товарищей выскочили из палатки. Капитан, увидев всадника всего в пятидесяти шагах от лагеря, выстрелил в него. Тот страшно закричал, упал вместе с лошадью, и оба исчезли во мраке ночи.

– Кто это еще? – спросил американец.

– Миао-цзи, – пробормотал Мин Си, дрожа от страха.

– Миао-цзи или тонкинцы – все равно. Вперед! – скомандовал капитан, хватаясь за пистолет. – Я слышу там какие-то звуки, может, кто-то ранен или умирает.

Из глубины густого кустарника и в самом деле доносились тяжелые стоны. Четверо путешественников, решив, что бояться нечего, бросились к тому месту и, к своему удивлению, обнаружили лошадь, которая билась в предсмертных судорогах.

– Интересно, – сказал Корсан, внимательно оглядывая окрестности, – куда же подевался сам разбойник? Эй, друзья, вы видите кого-нибудь?

– Берегитесь! – вдруг закричал Казимир.

В темноте раздался залп аркебуз, сопровождаемый оглушающими воплями, и из густого облака пыли показались пятнадцать-шестнадцать всадников, которые, точно ураган, подлетели к палатке, спешили, схватили самое лучшее, что в ней было, вскочили на коней и скрылись из глаз, прежде чем наши ограбленные путешественники успели взяться за оружие.

¹⁸ Дикие китайцы, обитающие на северных границах Гуанси. – *Примеч. автора.*

Глава XIV Нападение

Все четверо, еще не придя в себя от неожиданного нападения, поспешили к палатке, которую воры опустошили почти полностью. Конечно, наши друзья не могли преследовать похитителей: во-первых, неизвестно, сколько их было, а во-вторых, гоняться за разбойниками ночью в темном лесу среди совершенно незнакомой местности, где опасности поджидают на каждом шагу, – чистое безумие. Неистовствовал только Корсан, готовый лопнуть от бешенства: дать себя ограбить каким-то подлым китайцам – его смолюбие не могло смириться с этим.

– Попадись мне в руки одна из этих собак, я бы ее задушил, – твердил он вне себя.

– Хватит ругаться, Джеймс, – сказал капитан. – Разбойники лишили нас очень немного, потому что, собственно говоря, у нас почти ничего и не было.

– Какая разница? Ведь эти разбойники – китайцы.

– А вам не все равно, кто они: китайцы, тонкинцы или малайцы?

– Нет, погодите, нельзя спускать им с рук. Что вы намерены предпринять?

– Пока сидеть здесь и готовиться к новому нападению.

– Вы думаете, бандиты вернутся?

– Меня бы это не удивило.

– Вы полагаете, что они устроят нам еще какую-нибудь мерзкую штуку?

– Вполне вероятно.

– Где же они прячутся?

– В лесу, и, может, даже сейчас следят за нами.

– Не пойти ли нам прогуляться поближе к лесу?

– Чтобы им легче было нас убить?

– Тише!

В отдалении послышался глухой шум, похожий на галоп нескольких лошадей, сопровождаемый звяканьем колокольчиков.

– Заряжайте ружья, – приказал капитан, – бандиты вернулись!

На опушке леса показались несколько всадников и пустились в карьер по лугу. Капитан Джорджио и трое его спутников разом поднялись, как по команде, и выстрелили в самую середину шайки. Один из всадников взмахнул руками и неловко повалился из седла. Остальные после ответных выстрелов показали свои спины и помчались галопом обратно в лес. Еще какое-то время оттуда доносились лошадиный топот и крики, потом все стихло.

– Неплохо, – развеселился американец, потирая руки. – Мне кажется, этих мошенников не назовешь храбрецами. О! Вон там я вижу желтую рожу, которая, вроде бы, мучается в корчах, похоже, умирает.

– Мы можем подойти поближе, потому что после нашего теплого приема миао-цзи едва ли рискнут скоро вернуться.

– Пойдемте, Джорджио!

– Осторожнее, Джеймс. Может, этот бандит вовсе не умирает и даже не опасно ранен?

– Так добьем его прикладом.

Капитан и Корсан, поручив Казимиру и Мин Си смотреть в оба, направились к берегу ручейка, в середине которого булькался бандит. Корсан подошел к нему почти вплотную. Лицо разбойника заливала кровь, лоб был рассечен пулей.

– Ступай в ад, каналья! – крикнул Корсан и толкнул его глубже в воду. – Надеюсь, ближайшей ночью тигры сдерут с тебя шкуру.

Друзья вернулись к палатке, перед которой взад-вперед расхаживал поляк, ругаясь на десяти языках.

– Что случилось, Казимир, почему ты сквернословил? – строго спросил Джорджио.

– Эти собаки ограбили нас вчистую.

– Хоть горшочек-то остался? – улыбнулся капитан.

– К счастью, да.

– Ну, тогда зачем горевать? Мы почти богачи. Завтра утром мы в этом горшочке сварим мясо убитых нами лошадей и съедим его.

– Превосходно! – обрадовался Корсан. – Надеюсь, Казимир, ты окажешь нам честь и отведешь конины?

– Конины? Что вы, сэр Джеймс! Разве ее можно есть?

– Еще как, мой мальчик! Очень вкусное мясо. Я, честно говоря, готов проглотить хоть техасского тарантула, лишь бы не лишаться мяса. Что может быть лучше него? Неважно, в каком оно виде...

Американец зевнул и улегся спать в палатке, а все остальные растянулись на траве с карабинами под рукой, но до утра ни одного бандита не появилось. Видимо, напуганные дружным отпором чужеземцев, разбойники решили больше не показываться. На заре горшочек, туго набитый кониной, весело шипел и булькал, распространяя вкуснейший аромат. Подкрепившись как следует, в десять часов утра вся команда тронулась в путь.

– Как вы себя чувствуете, Джеймс? – поинтересовался капитан. – Бодро?

– Еще бы! – воскликнул Корсан. – Я ощущаю такой прилив сил, что могу донести вас на плечах до истоков Сицзяна.

– Ноги не болят?

– Что им сделается? Ноги у меня в полной исправности и по-прежнему неутомимы. Вперед! Я первый подам всем пример.

Они перешли через луг и вступили в середину густейшей плантации бамбука, или *bambu tulda*, – растения, имеющего высокий, до пятидесяти футов, крепкий и гибкий ствол и широченные листья. Пробраться через эти гигантские заросли было делом нелегким. Приходилось идти в полутьме, непрестанно орудуя ножом, кроме того, все четверо то и дело попадали головой в огромные сети паутины, сотканые отвратительными насекомыми. Хватушка-американец, еще не оправившийся после ранения тигром, устал первым.

– Уф! – выдохнул он, в сотый раз останавливаясь, чтобы выдрать голову из ослепившей его паутины. – Тут целое царство пауков! Что же, этому проклятому бамбуку конца не будет? Черт бы его побрал!

– Джеймс, – с упреком произнес капитан, – не относитесь столь пренебрежительно к растениям вроде бамбука.

– Почему?

– Если бы вы знали, на что годен бамбук, вы не стали бы отзываться о нем так дурно.

– Он годен на то, чтобы довести до отчаяния джентльменов, которым приходится продирается сквозь эту чащу.

– Какой вы ворчун, Джеймс!

– Я говорю одну только горькую правду.

– Китаец благословил бы то, что вы проклинали.

– Слово «китаец» – синоним слова «животное». Любопытно узнать, для чего желтые морды используют эти палки, способные вывести из терпения самого флегматичного англичанина?

– Для тысячи и тысячи полезных вещей. Китайцы делают из бамбука вкуснейший напиток; употребляют в пищу сердцевину, которая очень вкусна; едят молодые побеги – они так же питательны, как спаржа. Из листьев этого растения изготавливают отличные шторы

и циновки; из веток плетут элегантные корзины, трельяжи, предметы роскоши, легчайшие стулья; производят великолепную бумагу, некоторые тяжелые ткани, музыкальные инструменты и многое другое. Из стволов делают лестницы, посуду, водопроводные трубы, лодки, плоты и даже хижины. Можно ли извлечь больше пользы из какого-нибудь другого растения?

– В таком случае этот бамбук – просто чудо.

– Да, Джеймс.

– Что ж, дадите вы мне попробовать этой вашей спаржи?

– Сколько хотите. Срежьте молодые побеги и отварите их на огне.

– Ура бамбуку! Сегодня вечером наедемся спаржи до отвала.

– Ура спарже! – крикнул в ответ Казимир.

– Тише, – остановил их капитан, пригнувшись к земле.

– Что? – прошептал Корсан. – Бандиты, что ли, вернулись?

– Мне показалось, что я слышал выстрел из аркебузы.

– Если это разбойники, я один их всех уничтожу.

– Будет шутить, Джеймс. Ружья подмышку и вперед!

Выполнив команду и приняв воинственный вид, храбрецы продолжали двигаться с удвоенной скоростью, срезая направо и налево стволы бамбука, которые со скрипом падали на землю. Через два часа маленький отряд подошел к подножию горной цепи, тянувшейся с севера на юг. Американец совсем изнемог. Не до конца затянувшиеся раны причиняли ему сильную боль, но он, хоть и скрипел зубами, ни разу не пожаловался. Сознаться в том, что он, чистокровный янки, едва сдерживает стоны, казалось ему постыдным. Он готов был лучше терпеть самые ужасные муки, чем признать себя слабым.

Восхождение по горной цепи путешественники начали около полудня, но шли довольно медленно из-за чрезвычайной крутизны подъема. В горах не было ни проходов, ни тропинок – одни утесы, на которые люди взбирались с огромным трудом и риском, путь преграждали кусты колючек и купы кустарников. Время от времени путники останавливались, чтобы дать передышку бедному Джеймсу. Эти привалы, впрочем, они использовали для осмотра местности, расстилавшейся у подошвы гор. То, что наблюдали наши герои, совсем не радовало их. Повсюду они замечали явные следы какого-то ужасного разрушения – все деревушки в окрестностях были разорены и сожжены.

– Такое впечатление, что тут шла война, – заметил капитан Джорджио, остановившись у подножия гигантского утеса, на который ему и его товарищам предстояло взобраться.

– Да, вы правы, капитан, – сказал Мин Си. – Я много раз проходил по здешним местам и видел эти селения – прежде красивые и многолюдные.

– Кто же их довел до такого плачевного состояния? – спросил Корсан.

– Не знаю, – уклончиво ответил китаец. – Не очень далеко отсюда находится воинственный Тонкин – быть может, агрессия идет оттуда. Вполне вероятно также, что на деревни напали шайки грабителей, которыми кишит весь юг страны.

– Недурно бы нам встретиться с одной из этих шаяк!

– Да сохранит вас от этого Будда, сэр Джеймс!

– Что такое? Уж не трусишь ли ты, канонир-трубач? Всего четыре выстрела, и вся шайка пустится в бегство. Ты что, не видел, как удирали бандиты, которые напали на нас прошлой ночью?

– Тише, – велел капитан, и через секунду все вздрогнуло: по горам прокатился выстрел.

– Разбойники! – воскликнул американец.

Издали донеслись громкие крики – казалось, несколько человек звали на помощь.

– Казимир, – приказал капитан, – вскарабкайся на утес и осмотри противоположный склон горы.

Подгоняемый криками, далеко разносимыми горным эхом, юноша, цепляясь за выступы и коряги, взобрался на вершину крутой скалы и огляделся. Среди небольшой долины, как сноп соломы, горела деревня. Вокруг нее молодой человек увидел с полсотни пестро одетых и хорошо вооруженных людей: одни из них угоняли стада быков и лошадей, а другие ловили крестьян, которые, навьючив на себя свои пожитки, пытались убежать в горы.

– Эй, дьяволенок, – заворчал американец в нетерпении от долгого молчания. – Что ты там видишь? Говори!

– Нечто поразительное, сэр Джеймс. Там деревня горит, как спичка, а вокруг... Тысяча чертей! Вокруг полно разбойников!

– Неужели? – удивился янки.

– Да, бандиты отлично поживились. Они нагрозили лошадей добычей, которую отобрали у крестьян, и теперь уходят.

– Куда они направляются? Сколько их? Отвечай же скорей!

– Они следуют на запад, их человек пятьдесят, все верхом и отлично вооружены. Я различаю пики и аркебузы.

– Это те самые бандиты, что напали на нас прошлой ночью, – заявил Корсан. – Давайте убьем их.

– Будет, Джеймс, – одернул его капитан, – оставьте их в покое.

– Но ведь их всего пятьдесят!

– Вы с ума сошли? А нас сколько?

– Да что делать-то? Вы хотите остаться здесь?

– Нет, мы пойдем вперед, но без всяких сражений. Карабкайтесь на этот утес, а там решим, как поступить.

Помогая друг другу, раз двадцать рискуя сломать себе шею, наши храбрецы с трудом влезли на вершину утеса, которая оказалась высшей точкой всей горной цепи, и остановились, пораженные страшным зрелищем. Почти у самого подножия пылала большая деревня. Огромные огненные языки, то желтые, то красные с глухим продолжительным гулом вздымались над прогоревшими крышами. То тут, то там с треском обваливались стены, падали террасы, с грохотом обрушивались башенки; из-под груд развалин в небо взметались густые клубы дыма; вспыхивали и разлетались во все стороны, как гигантские бенгальские огни, снопы искр, доносимые ветром до вершин соседних гор. Капитан и его спутники быстро спустились с горы и вошли в деревню.

Китайцы толпились возле пылавших хижин, смело кидаясь в огонь и дым, чтоб спасти остатки своего имущества. При виде чужаков они разбежались, но, ободренные дружеским приветствием Мин Си и миролюбивым видом белых пришельцев, вернулись и рассказали, что на деревню напала шайка тонкинца по имени Теон Каи. Услышав, что белые намереваются продолжать путь, китайцы в ужасе замахали руками.

– Если вы пойдете дальше, – выступил из толпы один пожилой китаец, – то непременно попадете в руки лютого бандита, который ограбит вас до нитки. Послушайте меня: или вернитесь, или обойдите его стороной.

– Это невозможно, – ответил Джорджио, – к тому же мы никого не боимся: нас четверо, и мы хорошо вооружены.

– Притом, надо полагать, бандиты будут пьяные, – добавил Корсан, – а с такими легче справиться. Мы их перебьем и выпустим из них всю кровь вместе с водкой.

– Сколько всего разбойников? – спросил капитан у местного жителя.

– Пятьдесят-шестьдесят, все с пиками, саблями и мушкетами.

Американец сделал недовольную гримасу. Даже он признавал, что разбойников слишком много на четверых смельчаков.

– Что делать, Джорджио?

– Идти вперед, Джеймс. Нам нельзя отступать.

– А если они на нас нападут?

– Сдадимся в плен, если их окажется много. Я уверен, мы сумеем от них отделаться, не платя за себя слишком большой выкуп.

Пожертвовав несчастным погорельцам горсть таэлей, путники отправились на запад той же тропинкой, по которой усаkali свирепые бандиты. На каждом шагу виднелись следы их разбоя. Земля была утоптана копытами лошадей и быков, отнятых у сельчан, повсюду валялись краденые вещи, которые грабители теряли на ходу, совершенно того не замечая. Внимание путешественников привлекло множество брошенных у дороги скорлуп кокосового ореха, завинченных пробкой. Корсан поинтересовался у Мин Си, что это за предметы. Оказалось, китайцы хранят в таких самодельных сосудах крепкий напиток из перебродившего риса.

– Ого, – обрадовался американец, – надо подобрать несколько штук. Этот напиток немногим отличается от водки. Может, бандиты не всё выпили, и в скорлупках еще осталось что-нибудь? Скажите, дорогой Джорджио, а тонкинцы очень храбрые?

– Вовсе нет.

– Стало быть, если мы нападём на них, то не встретим серьезного сопротивления?

– Джеймс, неужели вы думаете, что вся шайка состоит из одних только тонкинцев?

Среди них есть лаосцы, сиамцы, раджпуты¹⁹, а эти последние – настоящие воины.

– Что вы говорите, Джорджио? Раджпуты в Тонкине?

– Почему нет?

– Но ведь раджпуты живут в Индии?

– Их много и в Индокитае. Сиамский король держит у себя при дворе два отряда воинов-раджпутов и человек двадцать татар. Некоторые из них вполне могли пристать к шайке Теон Каи, и, если мы очутимся перед такими воинами, советую вам сложить оружие.

– Значит, нас опять ждет позор. Сначала мы бежали из Чжаоцина, как зайцы, после этого нас обманули желторожие гребцы, бросив среди реки, потом нашу палатку обворовали миао-цзи, а теперь еще плен. Уф! Этот священный меч Будды стоит немалых жертв.

Уже стемнело, когда отряд приблизился к опушке леса. Капитан, видя, что место достаточно удобное, скомандовал остановиться. Палатка, точнее, какая-то несчастная дырявая покрывка, купленная у погорельцев, была кое-как натянута, и все улеглись в ней, не рискуя развести костер, чтобы не привлечь внимания бандитов. Ни один грабитель не появился среди ночи, и не раздалось ни единого выстрела.

– Что-то они притихли, – сказал наутро Корсан.

– Более того, – добавил Джорджио, – похоже, разбойники куда-то удалились.

– Я не прочь бы познакомиться с Теон Каи. Какое симпатичное имя!

– От этого имени воняет бандитом за целую милю. Так, друзья, сегодня мы хорошо выспались, поэтому постараемся пройти как можно больше.

Однако приказ капитана выполнить не удалось: путешественники продвигались лесом, который был так густ и весь усеян плодами, упавшими с деревьев, что пробраться через него требовало огромных усилий; приходилось через каждый час делать привал. Отряд не успел преодолеть и полмили, как вдруг капитан резко остановился. Он заметил человека, спрыгнувшего с дерева и спрятавшегося за кустом.

– Ни звука, друзья мои, – предупредил Джорджио, заряжая карабин.

Но не успел он поднять оружие, как совсем рядом раздался выстрел, окутав всех четверых густым дымом.

– Бандиты! – крикнул янки и выстрелил из карабина.

¹⁹ Раджпуты – коренное население индийского штата Раджастан (прежнее название – Раджпутана).

Шесть человек, вооруженных пиками, луками и мушкетами, выскочили из кустов. Путешественники наугад выпалили из ружей, повернулись и пустились бежать. За ними, бешено пришпоривая коней, погнались несколько всадников.

– Быстрее! – кричал Мин Си, удирая во все лопатки.

Наши герои не пробежали и ста шагов, как были окружены всадниками, целившимися в незнакомцев из своих аркебуз. Капитан и его товарищи, вовремя успев спрятать под одеждой револьверы, добровольно отдали врагам карабины и ножи и сдались в плен. Через пять минут бандиты привели пленных в лагерь Теон Каи.

Глава XV

Бандит Теон Каи

Становище разбойников находилось в чаще леса огромных камфорных деревьев и состояло из тридцати хижин, увенчанных флагами всех цветов и размеров. Снаружи домики были украшены старинными фитильными мушкетами, луками, колчанами, туго набитыми стрелами, саблями и ножами разных видов, в том числе со следами еще не смытой крови жертв, павших от рук налетчиков. Поблизости бродили украденные быки, лошади, гуси, утки и куры, создавая адский шум, но еще больший гвалт производили сами бандиты – их было человек сто пятьдесят всех рас и национальностей. Одни лежали враспашку на траве, другие стояли, прислонившись к деревьям, третьи, сидя на земле, развлекались азартными играми, а основная масса – пьянствовала. Кого тут только не было! Низкорослые тонкинцы с бронзовыми и оливковыми лицами, хохотавшие, как сумасшедшие, обнажая при этом свои черенные зубы; косоглазые китайцы в шапках и длинных симарах; кохинхинцы²⁰ в богатых желтых камзолах, отделанных красным атласом, в шляпах с разноцветными плюмажами; свирепые, мрачного вида малайцы, вооруженные страшными крисами²¹ с ядовитым острием; сиамцы с ромбовидными головами, землистыми лицами, толстыми бесцветными губами и вымазанными золотой краской зубами.

При появлении пленников разбойники вскочили со своих мест и побежали навстречу, с любопытством осматривая чужестранцев, указывая пальцами на американца и двоих европейцев, отпуская сальные шуточки и приправляя их взрывами отвратительного хохота. Им, похоже, в первый раз довелось увидеть людей с белой кожей и не раскосыми глазами. Американец ошетинился и, страшно выругавшись, дал несколько подзатыльников чересчур наглым и любопытным, однако те не выказали ни малейшей обиды.

²⁰ Кохинхинцы – жители Кохинхины, как называли в европейской литературе Южный Вьетнам в период господства французских колонизаторов.

²¹ Крис – стальной кинжал со змеевидным изгибом лезвия, оружие народов Малайзии и Индонезии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.